

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2019 ТОМ 11 № 4

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-4

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор серии

С.А. Воронин, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, директор Центра Исторической Экспертизы и Государственного Прогнозирования

Заместитель

главного редактора

И.Д. Стефанидис, профессор Университета имени Аристотеля (Греция)

Ответственный секретарь серии

Е.А. Базанова, кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории РУДН

Члены редколлегии

Абу аль-Хассан Мусса Бакри, доктор исторических наук, профессор Каирского университета (Египет)

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления Университета Карлтона (Канада), действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром Латиноамериканских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук

Нарангоа Ли, профессор Австралийского Национального университета (Австралия)

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

К Варику, профессор Университета имени Джавахарлала Неру (Индия)

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор Института всеобщей истории Российской академии наук

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Цель и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история (Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история) – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов самостоятельных оригинальных научных исследований ученых в виде статей, обзорных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам и научным направлениям.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 07.00.00 Исторические науки и археология. Специальности: 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.07 Этнография, этнология и антропология, 07.00.09 Историография, источниковедение и методы научного исследования, 07.00.15 История международных отношений и внешней политики.

Основные рубрики журнала: из истории исторической науки, идеи и политика в истории, Восток – Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, из истории ислама, из истории Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>.

Электронный адрес: histj@rudn.university.

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Ю.Н. Ефремова*
Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история»:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 01.03.2020. Выход в свет 20.03.2020. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 8,125. Тираж 500 экз. Заказ № 1863. Цена свободная
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2019

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION

2019 VOLUME 11 NUMBER 4

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-4

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Editor in Chief

S. Voronin, Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Head of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University, Head of Historical Examination and State Prognostication Centre

Deputy Editor-in-Chief

I.D. Stefanidis, Professor of the Aristotle University (Greece)

Executive Secretary

E. Bazanova, Candidate of Historical Sciences, Assistant of the Department of World History of RUDN University

Members of Editorial Board

Abu al Hassan Musa Bakri, Ph.D. in History, Professor of the Cairo University (Cairo, Egypt)

Gvozdeva I., Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the Ancient History of History Faculty of Moscow State University

Dutkiewicz P., Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration Carleton University (Canada), member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences

Larin E., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Center for Latin American Studies of the Institute of General History of Russian Academy of Sciences

Narangoa Lee, Professor in Australian National University (Australia)

Ponomarenko L., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Theory and History of International Relations Chair, Vice-Dean at International Affairs of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Variku K, Professor in the University Jawaharlal Nehru (India)

Smolenskiy N., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology of the Moscow State Regional University

Hazanov A., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Science Citation Index (eLIBRARY.RU), Electronic Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed international scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

The list of branches of science and groups of specialties of scientists in accordance with the nomenclature of the Higher Attestation Commission of Russia: 07.00.00 – Historical Science and Archeology. Specialties: 07.00.03 World History (Relevant Period), 07.00.07 Ethnography, Ethnology, Anthropology, 07.00.09 Historiography, Source Study, Methods of Historical Research, 07.00.15 History of international Relations and Foreign Policy.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>.

E-mail: histj@rudn.university.

Review Editor *K.V. Zenkin*
Layout Designer *Iu.N. Efremova*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА

- Сейдаметов Э.Х.** Проблематика культа святых в трудах татарских богословов-джадидов конца XVIII – начала XX вв. (ENG) 283
- Китинов Б.У.** Формируя образ «Иного»: религия в геополитических картах вокруг Джунгарского и Калмыцкого ханств (ENG) 297
- Волосюк О.В., Вей Ян Пьё Найнг** Экспансия китайского бизнеса в Мьянме и китайско-мьянманские отношения (1988–1990) (ENG) 305
- Михайлов С.А.** Проблемы современного общества и этнический сепаратизм в Северо-Восточной Индии 315

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ

- Корчагина Н.В.** «Мемуары для обучения Дофина» Людовика XIV: Историческое свидетельство эпохи и «педагогический инструментарий» 329
- Новодержкин Н.А., Попова Е.А.** Эдикт Фонтенбло и его историческое значение 341

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

- Миронюк С.А.** Участие и роль Британии в выработке решений Лондонской межсоюзной конференции по «русскому вопросу» (11–13 декабря 1919 г.) 351
- Ежов И.М.** Политическое убежище как источник проблем и парадоксов в ЕС 361

РЕЦЕНЗИИ

- Зуева Е.Г., Куделин А.А.** Рецензия на книгу Кузнецова В.А. «Потаенные тропы Туниса: жить и рассказывать революцию». М.: ИВ РАН, ГАУГН-ПРЕСС, 2018 370

CONTENTS

ORIENTAL STUDIES

- Seidametov E.** Problematics of Saints Cult in Works of Jadidist-Theologians of the Late Xviii and the Early XX cc. (ENG) 283
- Kitinov B.** Forming the image of Other: Religion in the Geopolitical Maps Around Jungar and Kalmyk Khanates (ENG) 297
- Volosyuk O., Wai Yan Phyong Naing.** Expansion of Chinese Business in Myanmar and Sino-Myanmar Relations (1988–1990) (ENG) 305
- Mikhailov S.A.** Problems of the modern society and ethnic separatism in North – Eastern India 315

DOCUMENTS AND PUBLICATIONS

- Korchagina N.** «Memoirs for the Training of the Dauphin» of Louis XIV: Historical Document and “Pedagogical Tools” 329
- Novoderzhkin N, Popova E.** The Edict of Fontainebleau or the Revocation (1685) 341

POLITICAL HISTORY OF EUROPE

- Mironyuk S.A.** Participation of Britain and its role in the elaboration of the London Inter-Allied Conference’s decisions on the “Russian question” (December 11–13, 1919) 351
- Ezhov I.** Political Asylum as a Source of Problems and Paradoxes in the EU 361

REVIEWS

- Zueva E., Kudelin A.** Review of the Book Vasiliy A. Kuznecov “Secret Tunisian Tropes: to Live Telling the Revolution”. (M., 2018) 370

DOI: 10.22363/2312-8127-2019-11-4-283-296

Research article

Problematics of Saints Cult in Works of Jadidist-Theologians of the Late XVIII and the Early XX cc.

E.Kh. Seidametov

Department of History of the State Budget Educational Institution
of Higher Education of the Republic
of Crimea Crimean Engineering Pedagogical University
Sevastopolska str., 8, Uchbovy alley, 295015, Simferopol, Russian Federation

Crimean Scientific Center of the Institute of History named after Sh. Marjani of the
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
7, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation

The article deals with the analysis of the problems of the cult of saints in the religious views of the greatest Tatar Jadid – theologians of the late 18th and the early 20th centuries. The research aims to investigate the views of Abdennacer Kursawe, Shihab Al-din al-Marjani, Galimjan Barudi, Rizaetdin Fakhretdin, Musa Jarullah Bigiev. The scholars searched the reasons for the crucial decline that involved the Muslim peoples, they believed that the only way out was the correction of Muslim beliefs, the refusal of religious innovations and the return to the Holy Quran and Sunnah. They criticized various manifestations of ignorance and superstition as well as some traditions that, in their opinion, were contrary to the canons of Islam and prevented the progress of Muslims.

The Jadids supported the reform of the education system, the study of worldly sciences, the borrowing and use of global scientific and technological and other achievements.

The similar position of Tatar theologians contributed to the formation of Islamic cultural values and present new ways for Russian Muslims to unify to the achievements of the world civilization.

Keywords: jadidism, cult of saints, tasawwuf (sufism), bid'a (innovation), tawhid (monotheism), kalam

Introduction

Jadidism as a social and political and intellectual movement among the Turkic Muslims of the Russian Empire in the late 18th and early 20th centuries is studied in many researches. In recent decades many works have been published show-

---

© Seidametov E.Kh., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ing the influence of Jadidism onto the religious, intellectual, social and political life of the Muslim population of Russia. At the same time the question of the attitude of the Russian ulama-Jadids to the cult of the saints, which was spread among the majority of Turkic-Muslims, is not widely investigated.

Prominent representatives of this movement – Abdennacer Kursawe, Shihab Al-din al-Marjani, Galimjan Barudi, Rizaetdin Fahretdin, Musa Jarullah Bigiev Marjani – were supporters of innovative ideas in the interpretation of Muslim religious doctrine. The peculiarity of their appeal was the rejection of innovations in religion and a return to the Qur'an and Sunnah, as well as the opinion of the companions of the Prophet Muhammad. They opposed many existing traditions and, in their opinion, contradicted the doctrines of Islam, primarily against the cult of saints, which was especially revered among ordinary peoples. Kalam was condemned and innovations in the cult sphere were not welcomed: charging for reading the Qur'an, saying a prayer, and performing any rituals. At the same time, they encouraged achievements in the field of mutual relationship between peoples (economic, political, international relations, trade deals, participation in companies, publishing newspapers, teaching secular sciences, etc.). Such behavior of the Tatar ulama, on the one hand, contributed to the enforcing of Islamic cultural values, and on the other hand, enabled new ways for Russian Muslims to organic familiarization to the achievements of world civilization. All this allows considering them to be outstanding representatives of Islamic enlightenment in the late 18th and the early 20th centuries, who thoroughly analyzed a new vision of the development of Muslim intellectual tradition.

A. Kursawe about the concepts bid'a, tasawwuf, tawhid

The founder of the new movement among the Tatars was Abdennacer Kursawe (1776–1812). In 1804 he appealed to Muslims to reject innovations in religion (bid'a), and return to the Qur'an, Sunnah and the opinion of the companions of the Prophet Muhammad (peace be upon him) (Al-Kursavi, 2005, 161).

In the book “Guiding Peoples to the Path of Truth”, A. Kursawe studies such notions as bid'a, tasawwuf, tawhid, which sufficiently fully illustrates his attitude to innovations in religion that are reprehensible; spiritual and moral perfection of a Muslim, which can be achieved only by following the Divine Law and the Sunnah; monotheism, in which there is no place for intermediaries among the deceased saints and righteous peoples (Al-Kursavi, 2005, 144–177).

Bid'a is condemned when deviation from the basic principles of Islam is committed. For Kursawe, it is to follow the Book of Allah, the Sunnah of the Messenger of Allah, the ijma's community and qiyas (Al-Kursavi, 2005, 144). He condemned philosophy (falsafa) and Kalam, classifying them as prohibited innovations and he considered them to be wastefulness (Al-Kursavi, 2005, 154); he criticized innovations in the cult sphere: charging for reading the Qur'an or dhikr, prayers (du'a), prayers (salat) or any other rituals, which, in his opinion, was “a

confession by personal opinion, without a legal basis” (Al-Kursavi, 2005, 145, 146). According to M. Kemper’s opinion, Kursawe can easily be considered as a critic of the cult of saints (Kemper, 2008, 371). On the other hand, Kursawe welcomed the innovations in the field of secular sciences and relations between peoples (economic, political, international and others) (Khakimov, 2010, 129).

The meaning of tasawwuf, according to Kursawe, is "to clear the heart from bad behaviour, worldly concerns, and [bringing it] into the correspondence with the natural pattern [of human nature]. So that [a man], after his deprivation of bad qualities, he can acquire moral qualities, and his cares become more elevated, and he will focus on worship and follow the Prophet in Sharia, and his carnal soul (nafs) will refuse his passions, – became a Sufi” (Al-Kursavi, 2005, 170). But the tasawwuf must certainly be within the Sharia. According to the words of Imam Malik, he says that one who practices fiqh but does not study tasawwuf becomes a wicked person (fasik), and one who practices tasawwuf but does not learn fiqh becomes a polytheist (zindik). Only one who combines both of these abilities can understand the truth (Al-Kursavi, 2005, 173).

According to Kursawe, the true tawhid (monotheism) is that a person considers all circumstances created by Allah and ceases to pay attention to intermediaries, he sees intermediaries as subordinates who do not have their own authority. And if a believer ceases to pay attention to reasons and intermediaries and he sees good and evil only from the Almighty, a man neither fears nor hopes except for Him, then he is a true Tawhid who understands the truth. For the true believer the reasons disappear due to his faith to the First Cause, he is engaged into tawhid and intermediaries no longer exist for him (Al-Kursavi, 2005, 175–177).

Thus, according to Kursawe, a true believer is one who has completely and thoroughly connected his heart with the Creator; a man trusts and meekly betrays himself to the decision of Allah; he refuses any intermediaries (including through awliya, asking them to intercession); a believer worships only Allah alone and does not following base passions (Al-Kursavi, 2005, 175–179).

The prominent theologian of the Islamic world of the 19th century al-Marjani expressed his opinion about Kursawe in such a way: “Truly he was a person who did not delight the gaze of time for five hundred years, neither close nor far, and no one was known who could be compared with him, he was not heard of anyone in the far ends of the world, nor in the neighbors who could come close to him in his brilliant knowledge of [sciences from the field] rational (ma'kul) and traditional (mankul), mastery in particular matters and the foundations of [creeds], generosity in [matters] of disagreement and mazhabs, the ability to conduct polemics and literature, the memorization of hadiths, exceptional knowledge of their varieties and sections, the strength of his ijtiḥad and the superiority of extraction [motive in logical analysis]. Along with this, he possessed a sharp mind, a refinement of thought, he was able to motivate (husnta'lil), possessed sound judgments (nazar), much worship, plenty of fiqh, perfect abstinence, utmost piety, relentless observance of the Sunnah, following the right path, moving away from unauthor-

ized innovations, removal from base passions, preference for the path of the early generations (Salaf), following the true successors. He tried his best to win the Sharia and fight for him, revive the Sunnah and protect it, Allah knows about this, may He reward him, He is glorified, for his efforts. He perfectly instructed peoples telling the truth, without fearing for Allah's reproaches of the blasphemer”(Al-Marjani, 2005, 226).

After the death of Kursawe, Sh. Marjani (1818–1889) became one of the most important followers and distributors of his teachings. His attitude to the cult of saints was also disapproving. From the bibliographic information collected by Shahar Sharaf, we learn that al-Marjani, observing in Bukhara excessive veneration of graves and a cry for help from the dead, said: “Even the people of our village have more moral principles than they have. In our village, they ask for help from Allah and utter takbir and azan”(Marjani, 2015, 48–49; Marjani, 2008, 68).

It is worth mentioning that in general, the problems of the cult of saints did not particularly interest Kursawe and Marjani. Apparently, this was due to the fact that, firstly, the cult of saints (azizler, khuzhalar) moved from Central Asia into the Volga-Ural region and it was not widespread. R. Fakhretdin connects this with the educational activities of the Dagestan scholar Muhammad b. Musa al-Kuduki: “The fact that the Muslims of our region are relatively far from the innovations related to the dead and funerals that are widespread in many Islamic countries, and they were not familiar with such phenomena as dervishes living near graves and eating alms and vows of the peoples, there is a belief that a great merit belongs to Kuduki. Innovations related to the graves began since the relations with the scientists of Dagestan stopped. There is no doubt that our scientists, who are trying to eliminate such innovations as commemoration of the third, seventh, fortieth day and obit, are students of the students of Muhammad Kuduki”(Khabibullin, 2015, 34; Shura 1914, No. 1, 1,2). Secondly: at that time the most relevant and discussed issues among the Volga Ulama were issues related to night prayers (‘isha) in the northern latitudes, general Friday prayers, ijihad and Taklid, etc. (Kemper, 1999, 166–167; Shagaviev 2016, 44).

Over time this topic begins to be widely discussed by such famous Russian theologians as G. Barudi, R. Fakhretdin, M. Bigiev, and others.

G. Barudi about the ban of sacrifice on the graves, to utter prayers to the deceased aulia for help, dedicating vows to them

Galimjan Barudi (1857–1921) – the founder of the largest and most prestigious madrasah in Kazan, Muhammadiya, one of the inspirers and ideologists of Jadidism in Russia, the mufti of the Spiritual Administration of Muslims of Inner Russia and Siberia (1917–1922).

G. Barudi opposed many traditions that existed among the peoples who opposed the doctrines of Islam – primarily against the cult of saints. On the pages of the Shura and Ad-din Val-adab magazines the scholar repeatedly writes about the

inadmissibility of treating saints as intermediaries, making sacrifices on graves, and contacting with du'a (prayers) for the intercession of the dead auliya (Khabibullin, 2015, 34).

So, in tafsir to ayat 165 from the al-Bakar surah “Among peoples there are those who make equals to Allah and love them just as they love Allah,” Barudi wrote that most peoples tend to worship what can be seen openly with their own eyes. For this reason they are excessive, believe and become attached with their hearts to what can be seen, especially it refers to the graves of the righteous and holy peoples. Some of them when they get into trouble, break the rules and begin to ask for their help, expect some kind of support and salvation from them, and sometimes they begin to worship them, openly commit polytheism (shirk). There are few peoples who are impartial and understand the truth.

According to Barudi, true believers are those who have known Allah properly. They do not equate Him to anyone, love the righteous, but do not exalt them to the degree of Allah, they do not endow them with the qualities inherent in Allah and do not exalt them to worship but they believe that they are worthy slaves of the Almighty who possess nothing and need Allah in everything. This is the essence of true faith and correct belief which is free from polytheism (Khabibullin, 2015, 34.35; Ad-dinval'-adab, 1916, No. 13, 347).

In tafsir ayat 168 of the al-Bakar Sura “O people! Eat on the earth what is permissible and pure, and do not follow the footsteps of Satan. Verily, he is to you an open enemy” Barudi wrote that visiting the graves of Aishabika by ignorant peoples of Bulgar as well as other graves, dedicating vows and sacrifices to them also belong to the mentioned “footsteps of the devil” and innovations that have no foundations in religion. Every believer who is striving to maintain his creed should beware of such dubious things. Innovations, unbelief and polytheism go through very subtle ways through which the devil, embellishing such things, deceives peoples by misleading them (Khabibullin, 2015, 35; Ad-dinval'-adab, 1916, No. 13, 380).

Barudi believed that visiting graves is a permissible action, but only for the purpose of edification in order to think over death and future life as well as to appeal to prayers for deceased Muslims. Such a visit corresponds to the Sunnah. Other kinds, for example, such as sacrifice on graves in honor of the dead saints, asking for their help, etc., is a terrible innovation that contradicts the Sunnah and, in some extent. It is considered to be idolatry.

In the early years of Islam the messenger of Allah Muhammad forbade visiting graves fearing that Muslims would return to polytheism, but after they established themselves in their religion, the ban on visiting graves was rejected (Khabibullin, 2015, 35, 36; Ad-dinval'-adab, 1913, No. 24, 742–744).

Barudi opposed not only the cult of saints, but also other traditions, especially common among Sufis, who were positioned by him as innovations in religion: the practice of reciting some prayers (not confirmed in the Sunnah), loud recitation of ayat al-Kursi and some dhikr (praises) after collective prayers in

mosques, which was considered to be obligatory among the common peoples, the calling Allah the names that are not confirmed in the Qur'an, the Sunnah and others (Khabibullin, 2015, 36, 38; Batyr, 2017).

R. Fakhretdin about the spiritual causes of the Muslim decline

G. Barudi had a like-minded person in matters of clearing Islam from innovations. It was Rizaetdin Fakhretdin (1859–1936), a famous Tatar theologian, writer and enlightener, oriental scholar, the Mufti of the Central Spiritual Administration of Muslims of Russia (1921–1936). Like Barudi and other Ulama Jadids, he harshly criticized pagan remnants in the traditions of the peoples (which separated and not united Muslims) and opposed the worship of saints, guardians, as well as the so-called “masters of the mountain” and “holy springs” (Khabutdinov, 2010). P. Fakhretdin repeatedly mentioned about the necessity to “return to pure Islam”. The “clearance” of Islam from tribal religious customs as well as later innovations was, in his opinion, an objective condition for uniting Muslims around the world (Gafarov, 2014, 501). Ideas of R. Fakhretdin and other Jadids correlate with the views of al-Sirhindi, Ibn Taymiyyi, ibn al-Qayim al-Dzawziyyi, Dzamalad-Dinaal-Afghani, Muhammad Abdoian and other religious peoples who also believed that the return of believers to the Qur'an and Sunnah and their unification monotheism (tawhid) will contribute to the consolidation of Muslims.

In conclusion to his work “Ibn Taymiyyah” R. Fakhretdin reflects on the causes of progress and regress, the rise and extinction of the nations. He concludes that the core of everything that happens in the world: revolutions, political, economic, scientific and literary disputes in public life – is a belief. “Difficulties and conflicts of peoples, unions and disagreements, problems and difficulties in life are all the reasons of religious views. R. Fakhretdin thinks: “Under their leadership the most insignificant nations rise, and the strongest fall into decay and even disappear, and only some names remain in documents and some monuments for archaeologists’ disputes” (Fakhretdin, 2018, 216). Not only the fate of nations, nations, tribes and clans, but also a fate of a single person depends on the faith.

He examines the example of Arabs who due to Islam, managed to free from the state of jahilin (primitive rudeness and ignorance when paganism reigned) and backwardness at the forefront of world history. “They overcame the mountains and spread around the world, began to rule capturing countries and cities. Having become heirs of the states of Caesar and the Shah, they made the surface of the earth an arena of action ... the whole world revived under the Islamic influence” (Fakhretdin, 2018, 216). He compares their revival in the Islamic world with the movement of the conveyor inside a huge factory. He sees the reason for these extraordinary changes and amazing activity in a change in creed (Fakhretdin, 2018, 218).

He also argues that if Muslims maintained a healthy Islamic belief, then Europeans who possessed schools and scientists, artisans, researchers and inventors, factories and plants, architects and engineers, doctors and professors, culture in its

true meaning – all it would appear in the Islamic world. However, he regrets the later Muslims did not follow the way of the early ones. They followed the belief of religion traders, on its behalf they began to prohibit the crafts and professions which were necessary for the happiness and life of peoples. Contrary to the Qur'an, they endowed peoples with righteousness and holiness – they made them Kaaba for themselves. Considering them to be “master of fate”, “assistants of creations” and “poles of the Universe” they began to appeal to them with pleas for help and show humility before them. As a result of such a distorted belief, the Islamic world became like an abandoned factory which fell into inactive idleness (Fakhretdin, 2018, 218, 219).

The inaction, ignorance and superstition that spread in the Islamic world, according to R. Fakhretdin, led to the fact that Muslims began to lose "inherited wealth from their predecessors and beautiful countries like Paradise." However, instead of rethinking and learning a lesson from their position, waking up and following the Qur'an and the Sunnah of the prophet, they turned their hearts “to the graves – the Kaaba of their needs, and to the souls of the dead that were revered as deities as well as to ishanas – living idols”. As a result, they received only privations and hardships (Fakhretdin, 2018, 220, 221).

R. Fakhretdin compares the current state of Muslim civilization with the Christian world, and says that the spiritual disease which previously dominated the Christians, passed on to Muslims. “The names of the saints and the righteous became a source of food and a means of life. Their graves along with the surrounding areawere filled with mujawirs¹ eating donationsand sellers of karamat.

There appeared, although under a different name, but with the same essence, the estate of "monks". The names of the nobles became a matter for the idle speeches” (Fakhretdin, 2018, 222).

The scientist does not deny the holiness of the prophets and respect for the righteous, but he believes that showing respect for them should be without excessiveness and exaggeration in accordance with the spirit of the Quran and Sunnah. “Human preferences and feelings are unsuitable for being taken as an example and customs shouldn't be treated as a guide to action. The only criterion for respect must be the Book and the Sunna”, says R. Fakhretdin (Fakhretdin, 2018, 223, 224).

Like a doctor, exposing the spiritual ailments of society (ignorance, superstitions, grave worship, idleness, begging), he compares his contemporaries with righteous predecessors (Salafs), who, unlike the first ones, followed the precepts of religion, managed to create a high civilization (Fakhretdin, 2018, 225, 226). He says: “There are so many begging people who filled the streets – they wander around and sitting up all the honorable and empty seats. But this heavy burden for the nation is not enough for anyone. In order to suck out the wealth of the people, like leeches, things were created in many places (and they are still being created)

---

¹ Mujawir – caretaker for the graves of saints.

like the “Mountains of the Lords” and the “Spring of the Righteous”. The examples of these facts are widely-known. Now look at the Salaf, then look at the late Muslims! The difference between them is so great that it’s even hard to understand if they have something in common. Now the old lions were replaced by monkeys, the thrones of true scientists were occupied by hangers for suits. Everyone with insight sees and knows this, his conscience will not allow this not to be confessed” (Fakhretdin, 2018, 228).

Describing the regress of the Islamic nation, R. Fakhretdin said that Muslims, who developed very fast fell into stagnation under the influence of perverse beliefs and ceased to develop losing their countries. “Schools lost their reputation, scientists were no longer respected. Each lazy fool was appointed to the post of ishan, and each madman – to the post of qutb. The Islamic world from one end to the other became completely fragmented, impoverished and careless. India, the former golden treasury, and Turkestan, the former source of knowledge, were victimized by the wrong creed. Marrakech and Andalusia, Egypt and Turkmenistan perished being the victims of this belief. Nothing left from knowledge and scientists of salafists. The place of deep piety and sincerity was taken by hypocrisy and pretense, boasting and frivolity. Very young and healthy people, like ifrit², pretended to be ishanas, they picked up staves and rosaries and started wandering around idly – walking from house to house, sucking out the wealth of Muslims like leeches. Unworthy people were assigned the high posts and became an instrument of oppression, making fatwas on behalf of religion in accordance with the vagaries and folly of every tyrant and despot. Neither name nor self-esteem and love for the nation left” (Fakhretdin, 2018, 225). According to the scientist, the result of all these factors was the economic and political crisis as well as the degraded situation of Muslims. As a result, they plunged into the abyss of hopelessness and destitution (Fakhretdin, 2018, 226).

In the final part of the book R. Fakhretdin asks a rhetorical question: “Do Muslims wish a happy existence and a prosperous future? Or do they prefer living like slaves walking the streets in search of work with a broom and an ax in their hands...” (Fakhretdin, 2018, 229). Then he himself answers: “If not, then they should understand Islam as salafs understood it, and bring this understanding to their daily existence. It is much more useful to build schools instead of erecting buildings on graves; the money given to the Mujawirs at the graves spend onto the knowledge; things spent on travels to holy springs and graves send to the training of shakirs and raise the children of the nation, opening houses of charity and mercy, to ensure the life of weak Muslims. Giving a religious atmosphere to secular and mundane matters and placing in religion what is not transmitted from the Noblest Messenger is undoubtedly a crime against faith and a manifestation of immoderation in it” (Fakhretdin, 2018, 229).

---

² Ifrit – a strong man among the genies.

Thus, in his conclusion to the book “Ibn Taymiyah” R. Fakhretdin states in detail his vision regarding the complex crisis that gripped the Muslim ummah, the main reason for which, in his opinion, is the corruption of beliefs – deviation from the path of the Quran and Sunnah to ignorance and polytheism, one of the most striking manifestations of which was the cult of saints.

M. Bigiev about ishanism

One of the main representatives of Jadidism was the outstanding scholar-theologian Musa Jarullah Bigiev (1873–1949). Like many other representatives of Jadidism, in his theological views he appealed to the period of righteous predecessors and opposed various innovations in religion.

According to T. Zarkone, the attitude of M. Bigiev to Sufism was characterized by duality. On the one hand, he was a supporter of the sufi community (a system of mansions – “khanaka”), on the other hand, he criticized ishans, i.e. sufi clerics. The word “ishan” could mean the leader (sheikh) during spiritual mystical self-improvement or the keeper of the saint's grave, praying for his intercession at the request of the pilgrims, the healer or even the amulet makers (Zarkone, 1997).

Ishans were perceived by M. Bigiyev as carriers of ignorance and the main reason of decay on the development of Islam (Khakimov, 2010, 120). In his work, “Fasting in the Long Days” Musa Jarullah Bigiev writes: “In recent centuries under the influence of: 1) ascetic fakihis, 2) ignorant mufassir interpreters, 3) stupid Muhaddis interpreters, 4) false preachers, 5) insidious praisers, 6) venal poets, 7) sufi drones, 8) flattering scholars, 9) sheikhs of sufi orders, 10) prophesied intercessors, 11) people using hashish, 12) teachers who killed their lives and religion in vain in idle talk, 13) the inhabitants of the graves, heads of the wakufs, who fully devoted their lives to an idle accumulation of material wealth, 14) petty scribblers who plunged Islamic morality into shame and misfortune, 15) khatibs, weekly explaining to believers various lies and fatal deceit, 16) madrassas, that are destructive for being, brain and hearts, 17) mosques, which instead of clearing people's hearts, lightening their souls and giving spiritual strength, they do the opposite, 18) people who turned into religious use rituals and canons established by the Legislator to bring great benefit to people, 19) those crimes that take place in the family circle, in the inner temple, under the guise of a religious tradition – under the influence of all this stuff in the world of Islam morality was completely corrupted, any perfection was interpreted and explained in such a way that it turned into its opposite. And all the destructive qualities were presented as an element of faith and an absolute good” (Bigiev, 2005, 325, 326).

Other dzadids expressed the similar neglectful characteristics to ignorant ishans (Guseva, 2013, 78). For example, M. Bigiev's elder brother Zikhir Bigiev (1870–1902) in his book “Travel to Maverannah” describes in detail adventures with donations (sadaka) that distorted and perverted Islamic ideas about alms and charity: “Charity, alms are considered by Muslims to be the highest manifestation

of kindness. The Divine Law allows alms for the unfortunate and destitute to give alms for the edifying purpose, but it prohibits helping those who became poor because of their laziness” (Zarkone, 1997). He calls the estate of guardian ishans of graves who speculated on human hardships and misfortunes “nazrkhur” (alms-eaters, generosity) (Zarkone, 1997).

Zarkone T. in his article “Sufism in the Tatar world at the beginning of the 20th century” subdivides ishans into two categories – “blacks” and “whites”. The first ones deceive the people enriching themselves at their expense. For the purpose of personal enrichment, they held festive religious rites with rich people, they opposed enlightenment and education. They represented the image of an ignorant village sufi who was content with the post of healer or guardian of the grave. The “white” ishans whom he called sheikhs were knowledgeable people, knowledgeable in religious affairs, among them there were educated sufis and great scholars, whose activities did not contradict the Quran and the Sunnah. Ignorant ishans gathered their followers near the graves of some saint to perform various kinds of rituals asking patronage of the saint for healing from disease, protection from evil, etc. Educated sheikhs gathered their students in madrassas and taught them religion based on the Qur'an and Sunnah (Zarkone, 1997).

Conclusion

Late 18th and the early 20th centuries are characterized by the process of revival of the social and theological thought of the Tatars. The publication in 1773 of the Decree of the Synod "On Tolerance" led to the beginning of this process. In search of knowledge, the Tatar shakirs went to Bukhara, Samarkand, Kabul, Istanbul, Beirut, Cairo, Mecca, Medina, etc. (Gafarov, 2014, 145). There they got the opportunity to get acquainted with the religious heritage of such famous religious figures as as-Sirhindi, Shah Valiullah, ibn Taymiyyah, ibn al Qayyim al-Jawziyyah, Mehmed Bergevi, Muhammad ibn Abd al-Wahhab, Jamalad-Dina al-Afghani, Muhammad Abdo, Muhhamad Rashid Rida, etc. Undoubtedly, their views shaped the worldview, contributed to the revival and enrichment of the theological thought of the Tatars (Adigamov, 2014, 558, 574). Under the influence of these ideas, the Jadid (innovative) movement was formed, which sought the ways out of the existing spiritual and social and economic crisis of the Muslims of Russia and the entire Islamic world and saw them in the return of Muslims to the Qur'an and Sunnah.

In their works the Jadids turn to the era of righteous predecessors (Salafs) and see in it as an example of an ideal society to which the ummah should strive. Kalam and its theological strata, various rites and cults that have no basis in Sharia, are regarded by them as bid'a and rejected. Referring to the hadith: “Every innovation is a delusion, and every delusion is on fire!” (Al-Kursavi, 2005, 146), innovations in religion are censured. The cult of saints and the institution of ishans, the guardians of the graves of saints, were considered one of the manifes-

tations of the corruption of beliefs caused by ignorance and without any foundation in religion. The cult of saints is represented as polytheism by many Jadids, and ishanism as the main reason of decay in the development of Islam.

If innovations in religion were condemned, then the study of secular sciences, the borrowing of Europeans of modern scientific, technological and other achievements by Muslims were, in the view of the Jadids, an important condition on the path to Muslim progress. A correct Islamic belief along with the world scientific and technological achievements of our time, in their opinion, should have led Muslims out of the abyss of ignorance and humiliation to the path of knowledge and greatness, revived the social and economic life of the Tatar society (Fakhretdin, 2018, 226, 229).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Абу-н-Наср 'Абд ан-Насир ал-Курсави. Наставление людей на путь истины (ал-Иршад ли-л-'ибад). Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 235 с.
- [2] Хакимов Р. Джадидизм (Реформированный ислам). Казань, 2010. 208 с.
- [3] Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: исламский дискурс под русским господством. Казань: Российский исламский университет, 2008. 675 с.
- [4] Шихабалдин б. Бахааддин ал-Газани [ал-Марджани]. Послание «Привлечение внимания современников к очищению сведений об Абу-н-Насре» [Рисала танбих абна ал-'аср 'ала танзих анба Аби-н Наср] // Абу-н-Наср 'Абд ан-Насир ал-Курсави. Наставление людей на путь истины (ал-Иршад ли-л-'ибад). Казань, 2005. С. 225–233.
- [5] Шихабутдин Марджани. Сборник статей, посвященный 100-летию Ш. Марджани, изданный в Казани в 1915 г. / Коллектив авторов – «Татарское книжное издательство», 2015 – (Антология татарской богословской мысли). С. 48–49.
- [6] Марджани Ш.. Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи (Китаб ал-Хикма-ал-балига ал джаниййа фи шарх ал-'акаид ал-ханафиййа) / Шигабутдин Марджани; предисл. И пер. с араб. Д. Шагавиев. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 479 с.
- [7] Хабибуллин Р.Р. Реформаторские взгляды Г. Баруди // Бигиевские чтения: богословская мысль российских мусульман XIX – нач. XX вв.: сборник научных статей. М.: Издательский дом «Медина», 2015. С. 30–38.
- [8] Шура, 1914. № 1. С. 1, 2.
- [9] Кемпер М. Между Бухарой и Средней Волгой: столкновение абд ан-Насра ал-Курсави с улемами-традиционалистами // Мир ислама. 1999. № 1/2. С. 163–174.
- [10] Шагавиев Д. А. Богословский трактат Шихаб ад-дина ал-Марджани «Назурат ал-хакк» // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. № 1. С. 41–48.
- [11] Ад-дин валь-адаб, 1916. № 13. С. 347.
- [12] Ад-дин валь-адаб, 1916. № 14. С. 380.
- [13] Ад-дин валь-адаб, 1913. № 24. С. 742–744.
- [14] Батыр Р. «Сегодня Галимджан Баруди вряд ли бы прошел аттестацию в ДУМ РТ» // Бизнес-газета. 2017. 25 марта: <https://www.business-gazeta.ru/blog/340899>.
- [15] Хабутдинов А.Ю. Каким должен быть муфтий и улем: пример Ризаэтдина Фахретдина (1858–1936) // Рамазановский чтения. 2010. № 5: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/?3434#_ftnref1.

- [16] Гафаров А.А. Российские мусульмане в контексте общеисламской модернизации (XIX – начало XX вв.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. 564 с.
- [17] Фахретдин Р. Ибн Таймийя / пер. с старотат. Ш. Сайф ад-Дин. М.: Форум, 2018. 231 с.
- [18] Зарконе Т. Суфизм в татарском мире в начале XX века (Муса Ярулла Бигиев и один из полемических аспектов этой проблемы) / Материалы международного симпозиума «Ислам в татарском мире: история и современность», Казань, 29 апреля – 1 мая 1996 г. // <https://xn--80ad7bbk5c.xn--p1ai/ru/content/sufizm-v-tatarskom-mire-v-nachale-xx-veka>.
- [19] Муса Джаруллах Бигиев. Избранные труды в двух томах. Т. 1. Казань, 2005. С. 325–326.
- [20] Гусева Ю.Н. Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение: Монография / под ред. О.Н. Сенюткиной; под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. М.: ИД «Медина», 2013. 214 с.
- [21] Адигамов Р.К. Становление и развитие богословской мысли татар: история и тенденции // Вестник РУДН. Серия: История России. 2018. № 3. С. 551–580.

REFERENCE

- [1] Al-Kursavi Abu-n-Nasr ‘Abd an-Nasir. *Nastavlenie lyudey na put' istiny (al-Irshad li-l-‘ibad)* [The instruction of people to the path of truth]. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2005. 235 p.
- [2] Khakimov Rafael'. *Dzhadidizm (reformirovannyi islam)* [Jadidism (Reformed Islam)]. Kazan': Institut istorii AN RT, 2010. 208 p.
- [3] Kemper Mikhael'. *Sufii i uchenye v Tatarstane i Bashkortostane: islamskiy diskurs pod russkim gosподstvom* [Sufis and scholars in Tatarstan and Bashkortostan: Islamic discourse under Russian rule]. Kazan': Rossiyskiy islamskiy universitet, 2008. 675 p.
- [4] Shikhabaddin b. Bakhaaddin al-Gazani [al-Mardzhani]. “*Poslanie «Privlechenie vnimaniya sovremennikov k ochishcheniyu svedeniy ob Abu-n-Nasre»* [Risala tanbih abna al-‘asr ‘ala tanzikh anba Abi-n-Nasr]” [Message “Attracting the attention of contemporaries to the clarifying of information about Abu n-Nasr”]. V Abu-n-Nasr ‘Abd an-Nasir al-Kursavi. *Nastavlenie lyudey na put' istiny (al-Irshad li-l- ‘ibad)* [The instruction of people to the path of truth]. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2005. P. 225–233.
- [5] Mardzhani Shikhabutdin. *Sbornik statey, posvyashchenny 100-letiyu Sh. Mardzhani, izdannyy v Kazani v 1915 g. (Antologiya tatarskoy bogoslovskoy mysli)* [Collection of articles dedicated to the 100th anniversary of S. Mardzhani, published in Kazan in 1915 (Anthology of Tatar theological thought)], red. 2015. Kazan': Tatarskoe kn. izd-vo, 2015. P. 48–49.
- [6] Mardzhani Shigabutdin. *Zrelaya mudrost' v raz'yasnenii dogmatov an-Nasafi (Kitab al-Khikma al-baliga al dzhaniyya fi shcharkh al-‘akaid al-khanafiyya)* [Mature wisdom in clarifying the dogmas of an-Nasafi]. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2008. 479 p.
- [7] Khabibullin R. R. “*Reformatorskie vzglyady G. Barudi*” [The Reformed Views of G. Barudi]. *Bigievskie chteniya: bogoslovskaya mysl' rossiyskikh musul'man XIX–nach. XX vv.: sbornik nauchnykh statey*. Moskva: Izdatel'skiy dom «Medina», 2015. P. 30–38.
- [8] Shura, 1914. № 1. P. 1, 2.
- [9] Kemper Mikhael'. “*Mezhdubukharoy i Sredney Volgoy: stolknovenie abd an-Nasra al-Kursavi s ulemami traditsionalistami*” [Between Bukhara and the Middle Volga: the clash of abd al-Nasra al-Kursavi with the ulama traditionalists]. *Mir islama*, 1999. № 1/2. P. 163–174.

- [10] Shagaviev Damir. “Bogoslovskiy traktat Shikhab ad-dina al-Mardzhani «Nazurat al-khakk»” [Theological treatise Shihab ad-din al-Mardzani “Nazurat al-haqq”]. *Islam v sovremennom mire*, 2016. T. 12. № 1. P. 41–48.
- [11] Ad-din val'-adab, 1916. № 13. С. 347.
- [12] Ad-din val'-adab, 1916. № 14. С. 380.
- [13] Ad-din val'-adab, 1913. № 24. С. 742–744.
- [14] Batyr Rustam. “Segodnya Galimdzhan Barudi vryad li by proshel attestatsiyu v DUM RT” [“Today, Galimdzhan Barudi would hardly have passed the certification at the SAM of TR”]. *Biznes-gazeta*, 2017. 25 marta. <https://www.business-gazeta.ru/blog/340899>.
- [15] Khabutdinov Aydar. “Kakim dolzhen byt' muftiy i ulem: primer Rizaetdina Fakhretdina (1858–1936)” [What should be the mufti and the ulama: the example of Rizaetdin Fakhretdin (1858–1936)]. *Ramazanovskiy chteniya*, 2010. № 5: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/?3434#_ftnref1.
- [16] Gafarov A.A. *Rossiyskie musul'mane v kontekste obshcheislamskoy modernizatsii (XIX – nachalo XX vv.)* [Russian Muslims in the context of common Islamic modernization (XIX – early XX centuries)]. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2014. 564 p.
- [17] Fakhretdin Rizaetdin. *Ibn Taymiyya [Ibn Taymiyyah]*. Moskva: Forum, 2018. 231 p.
- [18] Zarkone T. “Sufizm v tatarskom mire v nachale XX veka (Musa Yarulla Bigiev i odin iz polemicheskikh aspektov etoy problemy)” [Sufism in the Tatar world at the beginning of the 20th century (Musa Yarulla Bigiyev and one of the polemical aspects of this problem)]. *Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma «Islam v tatarskom mire: istoriya i sovremennost'»*, Kazan', 29 aprelya – 1 maya 1996 g.: <https://xn--80ad7bbk5c.xn--p1ai/ru/content/sufizm-v-tatarskom-mire-v-nachale-xx-veka>.
- [19] Musa Dzharullakh Bigiev. *Izbrannye trudy v dvukh tomakh* [Selected works in two volumes]. T. 1. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2005. P. 235–326.
- [20] Guseva Yu.N. *Ishanizm kak sufiyskaya traditsiya Sredney Volgi v XX veke: formy, smysly, znachenie* [Ishanism as a Sufi tradition of the Middle Volga in the 20th century: forms, meanings, meaning]. Moskva: ID «Medina», 2013. 214 p.
- [21] Adigamov R.K. “Stanovlenie i razvitie bogoslovskoy mysli tatar: istoriya i tendentsii” [Formation and development of theological thought of the Tatars: history and tendencies]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*, 2018. № 3. P. 551–580.

Научная статья

Проблематика культа святых в трудах татарских богословов-джадидов конца XVIII – начала XX вв.

Э. Х. Сейдаметов

Кафедра истории

ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова»

Россия, 295015 Симферополь, ул. Севастопольская; пер. Учебный, 8

Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
Россия, 420111, Казань, ул. Батурина, 7

Статья посвящена анализу проблематики культа святых в религиозных воззрениях крупнейших татарских богословов-джадидов конца XVIII – начала XX вв. В фокусе исследовательского интереса взгляды Габденнасыра Курсави, Шигабутдина Марджани,

Галимаджана Баруди, Ризаэтдина Фахретдина, Мусы Бигиева, которые искали причины комплексного упадка, охватившего мусульманские народы, и видели пути выхода из кризиса через исправление вероубеждения мусульман, отказ от новшеств в религии и возвращение к Священному Корану и Сунне. Они критиковали различные проявления невежества и суеверий, а также некоторые традиции, которые, по их мнению, шли вразрез с канонами ислама и являлись тормозом на пути к прогрессу мусульман. Джадиды выступали за реформирование системы образования, изучение мирских наук, заимствование и использование общемировых научно-технологических и иных достижений.

Подобная позиция татарских богословов должна была способствовать утверждению исламских культурных ценностей и открыть российским мусульманам новые пути для органичного приобщения к достижениям мировой цивилизации.

Ключевые слова: джадидизм, культ святых, тасаввуф (суфизм), бид'а (нововведение), таухид (единобожие), калам

Информация об авторе / Information about the author

Сейдаметов Эльдар Халилович – к.и.н., доц. кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», заведующий Крымским научным центром Института им. Ш. Марджани АНРТ. E-mail: eseydamet@bk.ru

Eldar Seidametov – Phd in history, Associate Professor of the Department of History of the State Budget Educational Institution of Higher Education of the Republic of Crimea Crimean Engineering Pedagogical University, Head of the Crimean Scientific Center of the Institute of History named after Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. E-mail: eseydamet@bk.ru

Для цитирования / For citation

Сейдаметов Э.Х. Проблематика культа святых в трудах татарских богословов-джадидов конца XVIII – начала XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 4. С. 283–296. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-4-283-296>

Seidametov E. Problematics of saints cult in works of jadidist-theologians of the late XVIII and the early XX cc. // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 11. № 4. Pp. 283–296. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-4-283-296>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 22.11.2019

DOI: 10.22363/2312-8127-2019-11-4-297-304

Research article

Forming the image of Other: Religion in the Geopolitical Maps Around Jungar and Kalmyk Khanates

Baatr Kitinov

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, Rozhdestvenka str., 12

The first third of XVIII century was very important for Kalmyks and Jungars. The political affairs, where Kalmyks, Russians, Jungars and Manchus as well as the external issues have been communicated, had been closely related with the religious matters, led to intensification of regional political processes. In Kalmyk khanate the Buddhist affairs were under the supervision of the famous Shakur Lama, and it was during his rule when the Islamic issue had had some importance, because it had been closely related with the plan to establish the Kalmyk-Crimean khanate (perhaps, initially the Ottomans' idea). In Jungaria the situation was even more complex due to the policy of Qing, when the leaders of this khanate were accused in conversion to Islam. The rare word "Thomkar" from Russian archival materials illustrates very special skill of Qing officials – it was "created" for Jungars to define them as being "converted" to Islam. The meaning of all these events allow to suppose, that religion at the time under consideration became the state tool for implementation of the virtual geopolitical maps to change the "usual" image of someone into "necessary" "enemy face".

Keywords: Thomkar, Buddhism, Islam, Kalmyks, Dzungars, Anjjathan-lama

Introduction

In 1715 the Kalmyk Ayuka-khan had met at his urga (court) the famous Qing delegation headed by Tulishen, the prominent Qing politician. This visit should be considered within Ayuka's policy to strengthen the relationship with the foreign powers. Also quite intensive were the relations of Kalmyk khanate with Persia, Turkey and the Central Asian khanates (first of all, with the Jungarian khanate), let alone the ties with St. Petersburg. Jungars, who controlled the Eastern Turkestan and some parts of Kazakh steppe, in 1717–1720 occupied Tibet (mainly U province with Lhasa), and this event again actualized the religious matter in the Qing policy towards Jungaria and Tibet.

© Kitinov Baatr, 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The investigation of the issue

In spring of 1719, the famous Shakur Lama, originally from Volga Kalmyks, arrived to Ayuka. Lama spent in Lhasa more than 20 years, and seems, he was very close person to both Six Dalai Lamas, Tsanyan Gyatso (Tib. blo bzang rin chen tshangs dbyangs rgya mtsho, Dalai-lama in 1697–1706) and Ngawang Yeshe Gyatso (Tib. ngag dbang ye shes rgya mtsho, Dalai-lama in 1707–1717); also he was the Head lama of Shakhor monastic college – one of the seven monastic colleges in the Drepung monastery: Gomang (Sgo mang), Loselling (Blo gsal gling), Deyang (Bde dbyangs), Shakhor (Shag skor), Gyelwa (Rgyal ba), Dulwa ('Dul ba), and Ngagpa (Sngags pa)). Being back, Shakur Lama became the spiritual leader of the Kalmyk Khanate [13].

Shakur Lama had been troubled by the possible grow of influence of Islam among Kalmyks (1). The fact was that, from the time of Central Asian period of the Kalmyk history, there were dependent Muslims among them who eventually married Kalmyk women. Their descendants were, as a rule, the Muslims by faith. These Kalmyks were known as Tomuts [1. L. 9; 7. P. 99; 15]. They have had enjoyed considerable power and influence at Donduk Ombo's court (one of Ayuka's descendants) even before he became a Khan of Kalmyks in November 14, 1735. Shakur Lama faced with the Muslims surrounding Donduk Ombo, and he was against their influence on the Kalmyk affairs [7. P. 196]. Besides, in 1721, Donduk Ombo had married Dzhan, a daughter of the Kabardinian khan, a Muslim, and abandoned his former wife Sol, who was originally from the Kalmyk Khoshud nation (2).

Moreover, after Ayuka's death, in 1720th, Donduk Ombo was involved into the plan to organize the united Kalmyk-Crimean independent state [4. L. 197; 14]. One of the sources of this unusual idea lied in the issue of some Muslim nations (Jembuluks, Edisans), who were accepted by both Kalmyks and the Kuban sultan Bakhty-Girey as their dependent people. Bakhty-Girey, who was a son of Crimean Khan Devlet-Girey, had planned to join his lands and people of Kuban region with the Crimean ones, and so he needed the military support of Kalmyks.

It was assumed by some Kalmyk leaders, that the future united state would occupy the territory of Crimea and Kuban region, or along the Volga river [4. L. 197–198]. The religious matter of the future state was not discussed by Kalmyks and Bakhty-Girey. Donduk Dashi, the influential Kalmyk leader, who would be appointed as the Kalmyk Khan after death of Donduk Ombo, believed, that the Kuban Tatars would stay under Kalmyk supervision [4. L. 197].

Russian-Turkish relations have had the long history, which have been marked by the numerous wars and conflicts. For instance, there were two Russia-Turkish wars in XVII century, and four – in XVIII century. One of the important wars happened in 1735–1739, and it also was connected with the situation, formed in the discussing area, when Crimean and other Tatar nations of the region, as well as Kalmyks, were involved in those battles and war events. It is possible to assume, that it was idea from the Ottoman politicians, who were interested in

worse situation in South Russian borders by creating the Muslim–Buddhist united state under the protection of Istanbul.

Finding himself in troubles, Shakur Lama tried to get support from Tibet. At that time in Tibet clashes between supporters of the different schools, quarrels between the Kalons (bka' blon) [ministers of the Tibetan government], gave a way to power to Pholhanas Sodnam Topgye (pho lha ba bsod nam stobs rgyal, r. 1723–1747), who in November of 1728, forced the young Seventh Dalai Lama Lobsan Kalsan Gyatso (blo bzang bskal bzang rgya mtsho (Dalai-lama in 1720–1757) to exile for more than seven years. It was time when the Kalmyk leaders decided to send a delegation to Dalai-lama.

The specially formed delegation, consisted of 41 persons, lamas and laymen, went to the East in December of 1729. We have no record of when the envoys met with the Dalai-lama, but it is known that they met at Gartar, in Kham province, where the new monastery was built for the exiled religious leader. Delegation before their travel received a number of requests from Shakur Lama. Thus, Shakur Lama appealed to lamas of Kalmyk origin, who lived in Tibet or Beijing, to return to the Kalmyk Khanate [5. L. 6, 69].

Also he looked for information on Tsandan Jowo, a sandalwood statue of the Buddha, which, as it was believed, had been made during the life of the Buddha and was later kept in various parts of India, then in China (brought there by the famous Kumarajiva (344–413). In XVIII century the statue was kept in Beijing Zandan-sy temple, under the supervision of the Kalmyk and other lamas. Perhaps, the appearance of Tsandan Jowo in the Kalmyk lands was conceived by Shakur Lama as a fundamental step in revitalizing the Buddhist faith and strengthening the united Kalmyk state. He also sought to swiftly increase the number of his supporters by the return of the Kalmyk lamas from the Tibetan monasteries to the Khanate.

The Russian government have monitored the ethnic and religious situations in the Kalmyk Khanate and in neighboring territories. Thus, after Donduk Ombo's death in 1741, the government "couldn't find it possible to satisfy the request of Dzhan [to appoint her son Randula to be the Kalmyk khan], reasonably arguing that as a Mohammedan by faith, Dzhan 'will always be on the side of the Kabardians'" [16. P. 48], i.e. could manage pro-Turkey or anti-Russian policy.

Shakur Lama tried to create a Buddhist state in Kalmyk lands, based on principle of "two laws". He understood the preservation of Buddhism among the Kalmyk people as his main goal. He also strove to strengthen Buddhism among Kalmyks, seeing it as their identity marker. Besides, in order to diminish the influence of such religions, like Russian Orthodox and Islam on the Kalmyks, he, as it is seen from the documents, intended to build a palace (or a temple) in which he was going to place the statue of Tsandan Jowo [2. L. 134].

There are a lot of studies on the significant influence of religion (Buddhism) on Qing dynasty politics, especially in relations with Jungaria and the Khosuts of Kukunor region (so-called Kukunorians) [18; 6; 9]. Obviously, religion and its in-

stitutions had been strongly influenced by the Manchu emperor and officials. All this happened during the reign of Emperor Kangxi (r. 1662–1722), who actually did not hide his utilitarian attitude towards Buddhism, which, in general, was characteristic matter for his successor Yunjen (r. 1722–1735) and other Qing rulers. But an special issue took the place in their religious politics – the Qing accused the Jungar rulers in conversion to Islam; this policy began with Galdan Boshoktu-khan (r. 1671–1697), but during time of Tsevan-Rabdan (r. 1697–1727) and especially Galdan-Tseren (r. 1727–1745), his son, the Islamic theme had been stretched to attention of the Russian authority.

Russian archival documents indicate that this issue became the matter in the diplomatic correspondence between Beijing and St. Petersburg in beginning of 1730th. Jungarian leader Galdan-Tseren, like his father, Tsevan-Rabdan, had been called by Manchu officials as “Thomkar” (Rus. Тхомкар): “Thomkar Galdan Cheren, father and son, they’re making bad deeds from generation to generation, and all neighboring states had been offended [by them]”¹ [3. L. 140]; and all Jungars are also marked with the same word: “... an army has been sent to stop Thomkars...”² [3. L. 140].

The document provides this word only in Russian (“ТХОМКАР”), without any explanation; none of the researchers had previously paid attention to this word, let alone the meaning of it. Meanwhile, the study of both its meaning and features of use, characterizes a special situational context: in our opinion, it is most likely to understand it (from Tibetan) as “falling into white” (*thom dkar*), in other words – “becoming heretics” or “converted to Islam”.

I have consulted on this word with the famous Tibetologist Jose Cabezon of the University of California in Santa Barbara, who noted that the meaning of this word is close to the meaning “gone to Islam”. I fully agree with him, and suppose that “thomkar” is a derivative of *thom pa* (among a number of meanings “stupefied”), and *dkar wa* (white) – “*thom dkar*”: “stupefied by white”, “fallen into white”, which should be understood either for heretics (the usual definition of the Mongol imperial period, for instance, for assassins or followers of Mani teaching), or Muslims (who became Muslims): in the texts of Kālacakra Tantra, Tibetans refer to Muslims as *kla klo* (“those with darked consciousness”, from Sanskrit *Mleccha* (Tib. *mustegs pa*), but the most commonly accepted definition for them (Muslims) is “white hats” (*mgo dkar*) [8. P. 63–64]. Another interpretation is also possible: *thom* in the meaning of “being stupid”, and *kar* in the meaning “great pain”, “suffering”; it turns out “*thom kar*” “those who are stupid”, “fools [who cause] great suffering”. Definitely, this word need further investigation.

The use of the Tibetan word in diplomatic correspondence between the Manchus and the Russian side is a rare case, which, apparently, should be under-

¹ «Тхомкар Галдан Черен отец и сын, от рода в род худо поступают, и всем окрестным государствам обиды чинят» (in Russian).

² «...для отращения тхомкар войско послано...» (in Russian)

stood as an indicator of its active use in correspondence / communication with those who had been included in the sphere of Tibetan Buddhist culture: Tibetans, Mongols, and Jungars. Consequently, the accusation of the Jungar leaders, starting with Galdan, of “going away” to Islam (in such a simple way, Qing diplomacy substantiated its point of view on the reasons for the Tibetan policies of the Jungars and the need for their punishment for “harming” the Buddha’s teaching) was a deliberately designed mechanism that launched the obstruction process from other Mongolian peoples, primarily Oirats and Kalmyks (3).

Thus, the newfound (created) frontiers of the religious content of society (accusation in conversion into Islam, in robbery of the Buddhist temples in Lhasa, etc.) a priori form a kind of virtual regional situation that is supposed to materialize, i.e. to make weak the spirit of people (Jungars). In some cases, this fictional “mental map”, which does not coincide with realities, leads first to implicit and then to real losses for a “accused” local people, up to complete crash of their polity. Such activities, at least, could be so “useful” for outer powerful states, because it made possible to gradual forming of the necessary degree of the peoples’ compliance, its readiness for future changes, although they (changes, obstacles) could have been avoided or overcome.

Conclusion

At the first third of XVIII century, religion and politics have been the important issues for Kalmyks and Jungars. At that time, Buddhism among the them was closely intertwined with the religious situation in Southern Russian regions, and with political situation in Tibet, and especially in Beijing, where the Qing rulers adopted religion mainly as the means of the politics. The political processes of the 1720s and 1730s in Tibet and among the Kalmyks and Jungars marked the beginning of a further crisis in these regions, where the influence of the Qing and Russian authorities over these territories and nations began to rise, and religion would become the part of the state structures.

NOTES

- [1] The relationship of Buddhism and Islam in the Kalmyk (Oirat) society is very interesting issue, which can explain some important matters in the Oirat and Kalmyk religious history. See, for instance: [10. P. 197]. As for Islamic issues in relations to Tibet and Buddhist affairs, see: [11; 17].
- [2] Khoshut Oirat nation had played an outstanding role in strengthening Oirat-Tibetan relations, due to establishment of the Dalai-lama as the spiritual and secular leader of Tibet in 1642 by their military support [12].
- [3] But as for Kalmyks, Manchu used Buddhism as tool to influence on them – for instance, famous Lauzan Dzhalthin, who made a lot to make Kalmyks to go back to Jungaria in 1771, is known in history as head of Kalmyk sangha. There is nothing known in him. I do believe, that actually he was no one but “incarnation” of famous Anjjathan-lama (at that time known as Lobsan Gyaltzen). Some results of the study of the story of this person I’m going to present in the nearest future.

REFERENCES

- [1] Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRE). Fund “The Kalmyk files”. List 119/1. File 23. 1745–1746.
- [2] Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRE). Fund “The Kalmyk files”. List 119/1. File 18. 1732–1735.
- [3] Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRE). Fund 62. List 62/1. 1732. File 11.
- [4] The National Archive of Kalmyk Republic (NAKR). Fund R-145. The personal Fund of N.N. Palmov. File 199. P. 197.
- [5] The National Archive of Kalmyk Republic (NAKR). Fund 36. Consisting on the Kalmyk affairs under the Astrakhan governor. File 63. P. 6, 69.
- [6] Ahmad, Zahiruddin. Sino-Tibetan relations in the seventeenth century (Roma, Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente) Serie Orientale, 1970. 345 p.
- [7] Bakunin V.M. Description of the Kalmyk peoples, and especially of them of Torgout peoples, and the deeds of their khans and owners. Written in 1761. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1995. 153 p.
- [8] Berzin A. Acceptance of Kalachakra Initiation. SPb. : Nartang, 2002. 335 p.
- [9] Borjigidai Uyumbilig. The Hoshuud Polity in Khökhuur (Kokonor) // *Inner Asia*. 2002. Vol. 4, no. 2. Pp. 181–195.
- [10] Elverskog J. Buddhism and Islam on the Silk Road. University of Pennsylvania Press, 2010. 340 p.
- [11] Islam and Tibet: Interactions Along the Musk Routes. Ed. Anna Akasoy, Charles Burnett, Ronit Yoeli-Tlalim. Ashgate, 2011. xiv+391 p.
- [12] Kitinov Baatr. “Kings of Tibet”: Reexamination of the Role of Khoshuts in Changing the Genghisid Principle Succession of Power to the Dalai Lama’s Seal// Proceedings of the International conference "Cultural Communication and Relations between Mongolia and Tibet", vol. 1. China, Lanzhou University Press, 2017. Pp. 1-10.
- [13] Kitinov Baatr. Shakur Lama: the Last Attempt to Build the Religious State// *Buddhism in Mongolian History, Culture and Society*. Edited by V. Wallace. Oxford University Press, 2015. Pp. 37–52.
- [14] Ochirov U.B. Attempts to unite Kalmyk and Nogai tribes in the first half of the 18th century // *Bulletin of the KION RAS*. 2002. № 17. Pp. 77–85.
- [15] Palmov Nikolai. 2007. Materials on the History of the Kalmyk People Per Stay Within Russia. Elista: Kalmyk Publishing House, 2007.
- [16] Palmov Nikolai. The Essays of the History of the Kalmyk People Per Stay Within Russia Astrakhan: Kalmgosizdat, 1922. 145 p.
- [17] Sela Ron. Central Asian Muslims on Tibetan Buddhism, 16th–18th Centuries // *Trails of the Tibetan Tradition. Papers for Elliot Sperling*. Ed. Roberto Vitali with assistance from Gedun Rabsal and Nicole Willock. Dharamshala (H.P.), India, 2014. Pp. 345–359.
- [18] Soloshcheva M.A. Policy of the Qing Empire with respect to Tibet during the reign of Yunjen emperor (1723–1735). Diss ... Ph.D. SPb., 2014.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Калмыцкие дела. Опись 119/1. Год 1745–1746. Дело 23.
- [2] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Калмыцкие дела. Опись 119/1. Год 1732–1735. Дело 18.
- [3] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 62. Опись 62/1. Год 1732. Дело 11.

- [4] Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. Р-145. Личный фонд Н.Н. Пальмова. Дело 199.
- [5] Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. 36. Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе. Дело 63.
- [6] Ahmad, Zahiruddin. Sino-Tibetan relations in the seventeenth century (Roma, Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente) Serie Orientale, 1970. 345 p.
- [7] Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. 153 с.
- [8] Берзин А. Принятие посвящения Калачакры. СПб.: Нартанг, 2002. 335 с.
- [9] Borjigidai Uyunbilig. The Hoshuud Polity in Khökhnuur (Kokonor) // Inner Asia. 2002. Vol. 4, no. 2. Pp. 181–195.
- [10] Elverskog J. Buddhism and Islam on the Silk Road. University of Pennsylvania Press, 2010. 340 p.
- [11] Islam and Tibet: Interactions Along the Musk Routes. Ed. Anna Akasoy, Charles Burnett, Ronit Yoeli-Tlalim. Ashgate, 2011. xiv+391 p.
- [12] Kitinov Baatr. “Kings of Tibet”: Reexamination of the Role of Khoshuts in Changing the Genghisid Principle Succession of Power to the Dalai Lama’s Seal // Proceedings of the International conference "Cultural Communication and Relations between Mongolia and Tibet", vol. 1. China, Lanzhou University Press, 2017. Pp. 1–10.
- [13] Kitinov Baatr. Shakur Lama: the Last Attempt to Build the Religious State// Buddhism in Mongolian History, Culture and Society. Edited by V. Wallace. Oxford University Press, 2015. P. 37–52.
- [14] Очиров У.Б. Попытки объединения калмыцких и ногайских племен в первой половине XVIII в. // Вестник КИОН РАН. 2002. № 17. С. 77–85.
- [15] Пальмов Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2007.
- [16] Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань: Калмгосиздат, 1922. 145 с.
- [17] Sela Ron. Central Asian Muslims on Tibetan Buddhism, 16th–18th Centuries // Trails of the Tibetan Tradition. Papers for Elliot Sperling. Ed. Roberto Vitali with assistance from Gedun Rabsal and Nicole Willock. Dharamshala (H.P.), India, 2014. Pp. 345–359.
- [18] Солощева М.А. Политика империи Цин в отношении Тибета в период правления императора Юнчжэна (1723–1735 гг.). Дисс... к.и.н. СПб., 2014.

Научная статья

Формируя образ «Иного»: религия в геополитических картах вокруг Джунгарского и Калмыцкого ханств

Б.У. Китинов

К.и.н., доцент, ст. научный сотрудник
Отдел истории Востока

Институт востоковедения РАН

ул. Рождественка, 12, Москва, Россия, 107031

Первая треть XVIII века была очень важна для калмыков и джунгаров. Политические вопросы, по которым шли контакты между калмыками, русскими, джунгарами и маньчжурами, а также внешнее взаимодействие были тесно сопряжены с религиозными

моментами, что вело к интенсификации региональных политических процессов. В калмыцком ханстве буддийские дела находились под контролем знаменитого Шакур-ламы, и именно во время его правления исламская проблема стала иметь определенное значение, поскольку она была тесно связана с планом создания Калмыцко-крымского ханства (вероятно, изначально оттоманской идеи). В Джунгарии ситуация была еще более сложной из-за политики Цин, когда лидеры этого ханства были обвинены в конвертации в ислам. Редкое слово «тхомкар» из российских архивных материалов иллюстрирует особого рода навык цинских чиновников: оно было придумано для обозначения джунгаров, обвиняемых в «обращении» в ислам. Смысл событий позволяет предположить, что религия в рассматриваемый период стала государственным инструментом для реализации виртуальных геополитических карт, превращающих «обычный» образ кого-либо в «необходимое» «лицо врага».

Ключевые слова: тхомкар, буддизм, ислам, калмыки, джунгары, Анджата-лама

Информация об авторах / Information about the authors

Китинов Баатр Учаевич – к.и.н., доцент, старший научный сотрудник, отдел истории Востока, институт Востоковедения РАН

Kitinov Baatr – PhD, Associates Professor, Senior research fellow, Department of history of East, Institute of Oriental studies of RAS

Для цитирования / For citation

Китинов Б.У. Формируя образ «Иного»: религия в геополитических картах вокруг Джунгарского и Калмыцкого ханств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 4. С. 297–304. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-4-297-304>

Kitinov B. Forming the image of Other: Religion in the Geopolitical Maps Around Jungar and Kalmyk Khanates // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 11. № 4. Pp. 297–304. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-4-297-304>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 07.12.20

DOI: 10.22363/2312-8127-2019-11-4-305-314

Research article

The Expansion of Chinese Business in Myanmar and Sino-Myanmar Relations (1988–1990)

Olga Volosyuk, Wai Yan Phyo Naing

National Research University – Higher School of Economics
20, Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, Russia, 101000

This article deals with the evolution of Sino-Myanmar relations in the late 1980s as a result of the Chinese economic expansion. The “8888 Uprising” of August 1988 was suppressed by the military who retook power in the country. Condemning the repressions of the military government, Western countries and Japan sharply reduced aid to Burma. India closed borders and set up refugee camps along its border with Burma. This situation led to the almost complete isolation of Burma in the international community. China appeared as the only strategic ally of the country in the region. According to the official statistics, Chinese businesses were significantly expanded in Myanmar in 1988–1990. However, despite the remarkable improvement in trade dialogue, problems such as migrants and unbalanced trade emerged, creating fissures in Sino-Myanmar ties. The article examines various cases which caused a negative attitude of the people of Myanmar towards the Chinese and even led to the emergence of a term such as *Sinophobia*.

Key Words: Burma Socialist Programme Party; Myanmar, China; US; USSR; U Ne Win; border trade; SLORC; Chinese Businesses; Yunnan; Bilateral Trade

Introduction

In 1988, Myanmar fell under to the Military government control after several months of reform-attempt movements from an authoritarian state to multi party state system. As a result of the bloody public rally suppression and failed power transition to the opposition party in 1990, the military government received harsh sanctions from the US and Europe. Since Myanmar became isolated from the international community, the country turned into a pawn of China in the region. Sino-Myanmar relations had never been better than in 1988–1989. As seen by the results of Chinese economic expansion in Myanmar of that period, it can be said that the two countries future relations had its origins for Myanmar.

© Volosyuk Olga, Wai Yan Phyo Naing, 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

There are some clear-out problems in two countries relations. For the solution, we should not neglect the sources from the past. This neglect led to suppressed knowledge on the Sino-Myanmar relations. Therefore, this article differs from the Western scholars' works by comparing the exciting relationship with contemporary Sino-Myanmar relations. The best example could be *Modern China-Myanmar Relations: Dilemmas of Mutual Dependence*, by David I. Steinburg and Hong Wei Fun. They concentrated on every step of Sino-Myanmar relations, and their investigation gave the Western scholars a bright insight into the two countries relations. Although, they studied the US interests and policies on Sino-Myanmar relations, they did not state that Myanmar became the close ally of China as an outcome of the mistakes of US sanctions in the late 1988. Maung Aung Myoe, in his book *In the name of Pauk-Phaw: Myanmar's China Policy Since 1948* examined the milestones of Sino-Myanmar relations since 1948. He gave the outlines for the expansion of Chinese business in Myanmar in late 1980s, but he paid attention only to the government-to-government relations within the conceptual framework of "Pauk-Phaw".

The future ties between the two countries obtained its real and strong origins in the Chinese economic expansions in the late 1980s. This is the reason why this period is considered to be crucial one from the China and Myanmar perspectives. This article is based on different primary sources, among which are: government documents, papers of international organizations, statistics, interviews and other.

The Position of Burma in the late 1980s

In 1987, the Burmese Socialist Programme Party (BSPP or Lanzin Party) failed in management of all domestic policies as a result; the role of Burma (the previous name of Myanmar until 1989) status in the international community was placed in the lowest level. On the other hand, there was tension between communist and democratic ideology in the Southeast Asian region. Myanmar leaders always adjusted their place in international affairs especially in the relations with China, because Myanmar received military assistants and anti-narcotics funding from the USA. For the USSR, Burma was a playground for ideological competition with the Western World. For this point, Prof. Ludmila Lutz-Auras mentioned that "during the period of the Cold War, Russia's interest in Myanmar was among other things driven by an ideological struggle against Western, and especially American, capitalism". [1, P. 191].

U Ne Win, the president of the BSPP, initiated the economic policy based on the Burmese Way to Socialism program. Unfortunately, this policy plunged the country in a stagnant state. According to the UN's announcement, Burma was classified as "least-developed nation" in December 1987 [2, P. 169]. Actually, the government requested the UN to announce them as an LDP. Later, the Myanmar leaders asked to get aid and erase the US\$ 3.4 billion debt owed to the international community. According to Andrew M. Deutz, "this program proved eco-

nomically unfeasible and was eventually loosened in the 1970s and 1980s” [2, P. 169]. The people of Myanmar who remembered their country as a golden land for its rich fertile soil and minerals country, were hugely disappointed with the then-government for this LDP announcement [3].

According to the Burmese Way to Socialism program, Burma had an isolated economic system and, therefore, there was a lack of export possibilities and also import products to other countries. That halted the official trade between Burma and its partners, which in turn, worsen the nation's impoverished situation. The BSPP government had to look for economic aid that could uplift the situation, as it happened when the US offered its assistance in 1986. From the statics of the US State Department, Washington provided US\$ 4–5 million annually as anti-narcotics funding in the 1980s, including aircraft, herbicide, and pilot training to Burma [2, P. 169]. From other perspectives, US aid was intended to be used in military operations against the Burmese Communist Party [9], and to suppress all opium fields planted in near BCP's critical bases alongside the Sino-Myanmar border. Meanwhile, the official trade between Burma and the US amounted to US\$ 10–12 million [2, P. 169] in the late 1980s.

As a Socialist country, Burma maintained relations with USSR causing concern in Beijing with the Soviet influence and ideological support of the Burmese domestic problems. Lutz-Auras wrote about BSPP's policy towards the Soviet Union that “Ne Win's leadership preferred not to antagonize its big neighbor [China], and reduced contact with its former ally so that no high-level Soviet officials visited Burma for a long time” [1, P. 173]. On the other hand, BSPP had good relations with the US, receiving aid from Washington.

Therefore, there were no critical events in the Soviet Union-Burma relationship in the late 1980s. The BSPP was supported by the Soviet when they seized the state power using the military in 1962. Since the BSPP came in power, they had tried reconciliation with Burmese Communist Party (BCP), but they never reached a cease-fire agreement. The Chinese-Soviet conflict alternatively affected the then-situation in 1970s. Beijing influenced the Burmese Communist Party as an ideological supporter and a main patron [4]. However, as a distinct sign of the special Soviet Union-Myanmar relationship, the Soviet Union's embassy enjoyed the biggest diplomatic compound in the Yangon (Rangoon) [5].

In the first period of the 1980s, the trade value between China and Burma did not influence the two countries relations. In 1988, it changed Burma future in all sectors and also Sino-Myanmar relationships. On 8.8.1988, a bloody Nationwide democracy movement shattered the BSPP government in Burma. On 18th of September 1988, the Military Generals seized the state power by founding “State Law and Order Restoration Council (SLORC)” [6, P. 194]. The US and Europe stood firmly against the SLORC and some countries even imposed harsh sanctions. Therefore, the SLORC looked back for their survival to its neighbors, mainly China and Thailand. Since Thailand was close to the US and supported many opposition groups of Tatmadaw (Military in Myanmar language) government, China became the first and the sole priority for the Generals of SLORC. Kudo

Toshihiro mentioned that “under mounting international pressures on the military regime, Yangon had no choice but to approach Beijing for their survival” [7, P. 4].

Burma Looks to China

Since BSPP completely understood that they needed a transformation for the country’s economic policy. U Ne Win, a paramount leader of BSPP, tried to implement reforms borrowed from the international community [9]. On the other hand, China promoted relationships with Myanmar in every sector. Beijing disconnected with BCP evidently and tended their policy straight towards the BSPP under Deng Xiaoping’s management [4]. If we examine the chronology of Sino-Myanmar delegations, we can see the development of the two countries bilateral relations since the start of the 1980s [8]. Even at the highest period of the democracy movement, a Chinese delegation led by the Vice Governor of Yunnan Province arrived at Yangon on July 27 and left on August 7, 1988 [8]. It was nearly a month before the military generals founded the SLORC as a new government. The day after the vice governor left, 8.8.1988, has become the day of nation-wide democracy revolution in Myanmar history.

We can assume that the BSPP already decided to open its border trade with Yunnan and initiated the intellectual talk with the Beijing on Myanmar economic reform, similar to that of China's “Open Up Policy”. Local scholars indicated that BSPP leader did not intend to depend on China in everything [9]. If we look back to the first periods of coming to the power in 1988, the SLORC announced the market-based economy and opened foreign direct investments from the international. However, community the US, being the world leading economy, instead of supporting to the Myanmar economy, put sanctions and applied political pressure on SLORC. Europe also followed the US. The US even sent its aircraft carrier and four other warships to the Myanmar Sea [10, P. 107] under the reason of defense against the Chinese intervention in the democracy revolution. Not many western scholars described this critical condition in their research. According to Tin Maung Maung Than, there was no evidence that Beijing involved in supporting the BCP, which was suspected to be an underground operator for all democratic movements at that time [6, P.194].

On the other hand, Beijing announced its policy that “China has consistently adhered to a policy of non-interference in the internal affairs of other countries, and Myanmar is also no exception. Myanmar is a neighboring country of China. We hope that situation there can be stabilized. There exist trade relations between China and Myanmar, which have not been suspended” said the Premier Li Peng on November 13, 1988 [10, P.107]. On 22nd of November 1988, SLORC opened its border trade office in Ruili, Yunnan, China and Muse, Shan State on Myanmar’s side [12]. It was followed by the agreement between the Yunnan Provincial Import and Export Corporation and the Myanmar Export-Import Corporation in BSPP era. [13, P. 9].

When the SLORC introduced the new The Union of Myanmar Foreign Investment Law on 30 November 1988 [13, P. 233], the first investors who took this

opportunity was China, especially traders from the Yunnan Province. The Military government of Myanmar opened border trade offices in several areas such as Lashio, Muse, Namhkam, and Kunglong [14, P. 213]. All of these places were located on the Sino-Myanmar border, and acted as important trade cities for the Myanmar-China relations since ancient times. Therefore, Myanmar opened the unique consumer markets for China, while China started imports Myanmar exports. According to David I. Steinburg and Hongwei Fun, “when Yangon opened its door and legalized border trade with China in 1988–1989, and because of the demonetization of much of Myanmar’s currency in September 1987, China’s commodities poured into the emerging consumer goods markets in Myanmar through legal and illegal channels” [15, P. 210].

Meanwhile, China provided the only channel for the SLORC leaders and their export to the rest of the world since neighboring Thailand and India supported the anti-military government and opposition armed groups on their borders. Similar to Myanmar, there were student movements in China in 1989, as an outcome of the contradiction of ideological conflicts between socialism and capitalism [16, P. 159]. To the international, it was known as the Tiananmen democracy revolution. The suppression of this movement stained Beijing's image on the global stage. As a result, the US and the Western World imposed sanctions on China, prompting China to look for new ways to remedy its trade concerns in the region.

Having an access to the Indian Ocean, Myanmar became the ideal strategic gateway for Beijing’s politics and goods trade. As an outcome, Sino-Myanmar relations reached a strategic height in all sectors. Steinberg and Hongwei Fun argued that “Chinese requirements at national and local levels for strategic and economic access to Myanmar and its resources to help fuel China’s growth, and by internal Burmese needs for both economic support and a strategic partner against what the Burmese junta perceived as external threats, especially from the United States and through its ally, Thailand” [15, P. 156].

Chinese Business Expansion in Myanmar

In 1984, Myanmar President U San Yu paid a transit visit to Yunnan Province on his way to Beijing [10, P. 153]. He invited Yunnan authorities to visit Yangon. However, the bilateral trade between the two countries did not reach the development stage legally because of the socialist economic policy of BSPP. On the other hand, illegal border trade touched the highest volume according to the BSPP's survey in July 1988. Actually, BSPP started to implement a new economic policy in the mid-1980s [9]. Dr. Maung Maung, the six-day president during the pro-democracy revolution, asked his fellow citizens to wait patiently for the reform.

Already influenced by the opposition under-ground ideologies fed up by the BSPP's failed policies for over two decades, the Myanmar people did not accept his request and fought until the BSPP stepped down from absolute power [9]. With the lesson learned, the new military government, the SLORC, followed the BSPP

reform plan in domestic policies since they took office. The SLORC opened its first border trade offices in the Sino-Myanmar border region and began trading on 1st October 1988 [10, P. 155]. Since the SLORC started bilateral trade with China, especially with the Yunnan province, they legalized all illegal markets in the region. As a result, statistics of bilateral economic cooperation between the two countries steadily improved. According to the SLORC Trade Minister Colonel Abel, the Tatmadaw government expected to reach the total of US\$ 300 million in trade in the fiscal year of 1988-89 [8]. Many Chinese delegations and businesspeople started to appear as guests in Myanmar's governmental offices.

According to Beijing's statistics, in 1988, Myanmar's trade with China reached a total of US\$ 270.71 million [10, P. 152]. However, the total value of China's imports from and exports to Myanmar was US\$ 255.62 million [15, P. 209]. If it is to be elaborated, there were some discrepancies between these two total values, although they came from the same source. For instance, Myanmar's export to China was US\$114.79 million, but according to another statistic, China's import from Myanmar was US\$137.10 million for the same year, 1988. Therefore, Maung Aung Myoe mentioned that "it is generally agreed among Myanmar scholars that the Myanmar trade statistics are notoriously unreliable. The figures are, indeed, completely distorted. Chinese data is by no means accurate concerning Sino-Myanmar trade. It is nevertheless more reliable than that of Myanmar" [10, P. 153].

However, all discrepancies prove that the Chinese Business deals with Myanmar indeed developed rapidly through 1988–1991. Two countries total trade value was US\$327.62 million in 1990 [10, P. 152]. If we fixed Sino-Myanmar bilateral trade value in 1988 at US\$270.71 million, we could see a growth of US\$56.91 million in 1990. Based on this statistic, China received a trade surplus of US\$ 119.46 million from bilateral trade with Myanmar [15, P. 209]. According to the International Monetary Fund's estimates, China was not in the top level of Myanmar's major export partner but took first place among Myanmar's significant importers [17, P. 90].

China got an essential place in Myanmar's trading, but it was not balanced in all statistics. Myanmar bought much more goods from China than they exported to the Chinese market. Despite this fact, Sino-Myanmar bilateral trade was growing steadily and reached a total value of US\$392.09 million in 1991. Within one fiscal year, the economic cooperation between the two countries reached up to US\$64.47 million. However, from 1988 to 1990, there was only US\$56.91 million in growth in Yangon-Beijing trade.

Economic Relations towards Strategic Partnership

The partnerships between Myanmar and China became a significant role after the SLORC's Vice-Chairman Lieutenant General Than Shwe, also Commander-in-Chief (Army), visited China in October 1989 [15, P. 302]. It was the first

high level Myanmar military delegation to Beijing since 1978 [10, P. 144]. Myanmar Commander-in-Chief (Army) met with not only Chinese political leaders but also generals from PLA. Chinese Premier Li Peng stated that “PRC Pays serious consideration to friendships between the two nations and cooperation between the two-armed forces” [10, P. 145].

Both Western and Myanmar scholars agreed that Myanmar became a significant buyer for Chinese military hardware. No doubt, these opportunities arose from the US and Western sanctions. It contributed a major re-arming for Myanmar military omit from the Western arms embargo [11, P. 197]. As an outcome of SLORC’s Vice-Chairman trip, in December 1989, Major General Tin Oo, Second Secretary of SLORC and Chief-of-Staff (Army), visited to Beijing and met with top PLA Generals. The Second Secretary signed the purchase agreement for military hardware amounting to US\$1.2 billion [10, P. 146] but it could not appear in the Myanmar government statistics because of the political sensitivity of this deal.

The SLORC leaders also received a number of promises from Beijing regarding the two countries economic and technical relations. Toshihiro Kudo mentioned that, Myanmar exported several products to China especially raw materials from natural resources. Non-metallic mineral manufactures accounted for 20.8%, vegetables, and fruits in 14.6% of total trade in 1988–1991. In exchange Beijing sold electrical items, textiles, and general industrial machinery and pieces of equipment to Myanmar [7, P. 22]. Also, many Chinese enterprises and companies poured their investments to the newly opened markets of Myanmar. Mainly, the garment industry rapidly expanded in the Myanmar’s new industrial zones in Yangon. On August 20th, 1991, the Chairman of the SLORC, Senior General Saw Maung visited China and held discussions with President Yang Shangkun, General Secretary of Chinese Communist Party Jiang Zemin and Premier Li Peng in Beijing [12].

In his state visit, General Saw Maung expressed that “During this period, our two countries have enjoyed better understanding and greater cooperation with sympathy towards each other” [12] The Tatmadaw government got the RMB50 million loan from Beijing. As well as political guarantee, Chinese Premier promised that Beijing would never interfere in Myanmar's internal affairs [10, P. 111]. This stage of strategic partnership remedied problems in Sino-Myanmar relationships from 1988 to 1991. However, there were challenges such as massive migrant flows, and illegal merchandise increasing in those years. According to Tin Maung Maung Than, the Chinese migrants increased their presence by 56% to 164% from 1988 to 1993 in border areas with Yunnan Province [6, P. 206].

Conclusion

According to the Myanmar government statistics, out of 0.8 million Sino-Burman living in Myanmar, 73,232 are Chinese citizen [15, P. 143]. In Myanmar’s new economic policy, Chinese people in business were mentioned as cru-

cial investors by every indicator. From some local researchers' works, most of leading Burmese-Chinese businesses in Myanmar are founded in the 1990s with the connections from the Mainland. In fact, Migration happens alongside with the Chinese investments to the major cities of Myanmar. As a well-established business base for Yunnan-Chinese, Mandalay saw a distinct increase in Yunnanese migration since 1988. Mandalay is only 185 miles away from the Yunnan Province [6, P. 207].

Since SLORC came into power, the progress of Sino-Myanmar relations has begun a remarkable success in the foreign policy of isolate government. However, according to some Myanmar scholars, the military always concerns on Beijing's shadow in their daily routine as the reflection from the historical events of two countries relations. SLORC, yet, they promoted the strategic ties with Beijing, but it does not mean that they wanted to rely on China. As placed in isolation, military leaders need security guarantor for them in the international community. If we continue the investigation in later 1999, researchers could prove the movements of Myanmar's foreign policy in the regional stage. However, Burmese Sinophobia is born due to the military dictators' reliance on China until present time.

REFERENCES

- [1] Lutz-Auras L. Russia and Myanmar – Friends in Need? *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, Vol. 34, No. 2, 2015. P. 165–198, Access mode: https://www.researchgate.net/publication/301545511_Russia_and_Myanmar_-_Friends_in_Need (accessed: 17.04.2019).
- [2] Deutz A. M. United States Human Rights Policy towards Burma: 1988-91, *Contemporary Southeast Asia*, ISEAS – Yusof Ishak Institute, Vol. 13, No. 2, September 1991, P. 164–187, Access mode: https://www.researchgate.net/publication/249915250_United_States_Human_Rights_Policy_towards_Burma_1988-91 (accessed: 17.04.2019).
- [3] Crossette B. Exhausted Burma Struggles in Isolation, *The New York Times*, March 23, 1987. Access mode: <https://www.nytimes.com/1987/03/23/world/exhausted-burma-struggles-in-isolation.html> (accessed: 16.04.2019).
- [4] BoBo. Bakaba Gaungsaung Thakhin ThanHtun yè nauksone naèyet Myar. (The Last days of the Bakaba leader Thakhin Thanhtun). Access mode: <https://www.bbc.com/burmese/in-depth-45589293> (accessed: 17.04.2019).
- [5] Ajay Kamalakaran. How Russia Supported Burma's independence struggle, *History*, April 05, 2016, *Russia Beyond the Headlines*, Access mode: https://www.rbth.com/arts/history/2016/04/05/how-russia-supported-burmas-independence-struggle_581631 (17.4.2019) (accessed: 17.04.2019).
- [6] Tin Maung Maung Than. Myanmar And China: A Special Relationship? *ISEAS-Yusof Isak Institute, Southeast Asian Affairs*, 2003, Access mode: <http://www.jstor.org/stable/27913234> (accessed: 02.02.2019).
- [7] Kudo Toshihiro, Myanmar's Economic Relations with China: Can China Support the Myanmar Economy? *IDE Discussion Paper*, Institute of Developing Economics, Japan External Trade Organization (IDE-JETRO), 2006-07-01. Access mode: <http://hdl.handle.net/2344/152> (accessed: 20.04.2019).
- [8] Burma-China Chronology to 1999, *Chronology compiled by Burma Peace Foundation*, September 1999. Access mode: http://www.ibiblio.org/obl/docs4/China-Burma_Chronology.pdf (accessed: 23.04.2019).

- [9] Interview with the Myanmar scholar U Min Tayza via telephone (accessed: 21.04.2019).
- [10] Maung Aung Myoe. In *The Name of Pauk-Phaw: Myanmar's China Policy Since 1948*, Institute of Southeast Asian Studies, Singapore, 2011. P. 107.
- [11] U Myo Thit. *A Nee Khit Tayout-Myanmar Setsann Yay (Contemporary China-Myanmar Relations) (1988-2015)*. Access mode: <https://www.bbc.com/burmese/in-depth-41670417> (accessed: 23.04.2019).
- [12] Le Bail H., Tournier A., Form Kunming to Mandalay: The New “Burma Road”, Developments along the Sino-Myanmar Border since 1988, L’Institut Francais des relations internationales, March 2010. Access mode: [http://www.burmalibrary.org/docs08/IFRI_av25lebailourniere\(en\).pdf](http://www.burmalibrary.org/docs08/IFRI_av25lebailtourniere(en).pdf) (accessed: 23.04.2019).
- [13] McCarthy S. Ten Years of Chaos in Burma: Foreign Investment and Economic Liberalization under the SLORC-SPDC (1988 to 1998). *Pacific Affairs*, Summer 2000, P. 233–262, Access mode: https://www.researchgate.net/publication/261742544_Ten_Years_of_Chaos_in_Burma_Foreign_Investment_and_Economic_Liberalization_under_the_SLORC-SPDC_1988_to_1998. (accessed: 25.04.2019).
- [14] Steinberg D. I. & Hongwei Fun. *Modern China-Myanmar Relations: Dilemmas of Mutual Dependence*, NIAS-Nodic Institute of Asian Studies, 2012.
- [15] Dingxin Zhao. *Decline of Political Control in Chinese Universities and the Rise of the 1989 Chinese Student Movement, Sociological Perspectives*, SAGE Publications, Inc., Vol. 40, No. 2, 1997. P. 159–182, Access mode: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.2307/1389520>. (accessed: 25.04.2019).
- [16] Kudo Toshihiro. *Myanmar's Economic Relations with China: Who benefits and who pay?* ANU Press, 2008. Access mode: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt24hf5k.10> (accessed: 25.04.2019).

Научная статья

Экспансия китайского бизнеса в Мьянме и китайско-мьянманские отношения (1988–1990)

Волосюк О.В., Вей Ян Пьё Найнг

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
109028, Москва, Россия, Покровский бульвар, 11

В статье рассматривается эволюция китайско-мьянманских отношений в конце 1980-х годов в результате экономической экспансии Китая. «Восстание 8888» в августе 1988 года было подавлено военными, которые вернули себе власть в Бирме. Осуждая репрессии военного правительства, западные страны и Япония резко сократили помощь стране. Индия закрыла границы и создала лагерь беженцев вдоль границы с Бирмой. Эта ситуация привела к практически полной изоляции Бирмы в международном сообществе. Китай остался ее единственным стратегическим союзником в регионе. Согласно официальной статистике в 1988–1990 годах китайский бизнес в Мьянме был значительно расширен. Однако, несмотря на значительное улучшение торгового диалога, появились такие проблемы, как мигранты и несбалансированная торговля, что создало некоторые «трещины» в китайско-мьянманских отношениях. В статье рассматриваются

различные случаи, которые вызвали негативное отношение народа Мьянмы к китайцам и даже привели к появлению такого термина, как «синофобия».

Ключевые слова: Бирманская социалистическая программа, Мьянма, Китай, США, СССР, ЕС, У Не Вин, незаконная приграничная торговля, SLORC, китайский бизнес, Юньнань, двусторонняя торговля, стратегическое партнерство

Информация об авторах / Information about the authors

Волосюк Ольга Виленовна – доктор исторических наук, профессор департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики Национального Исследовательского Университета «Высшая школа экономики». E-mail: ovolosiuk@hse.ru

Olga Volosyuk – Doctor of Sciences in World History, School of International Regional Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University “Higher School of Economics”. E-mail: ovolosiuk@hse.ru

Вей Ян Пьё Найнг – аспирант Школы исторических наук, факультета мировой экономики и мировой политики Национального Исследовательского Университета «Высшая школа экономики». E-mail: ywai@hse.ru

Wai Yan Phyo Naing – Post-Graduate at Doctoral School of History, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University “Higher School of Economics”. E-mail: ywai@hse.ru

Для цитирования / For citation

Волосюк О.В., Вей Ян Пьё Найнг. Экспансия китайского бизнеса в Мьянме и китайско-мьянманские отношения (1988–1990) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 4. С. 305–314. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-4-305-314>

Volosyuk O., Wai Yan Phyo Naing. Expansion of Chinese Business in Myanmar and Sino-Myanmar Relations (1988–1990) // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 11. No. 4. P. 305–314. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-4-305-314>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 04.12.2019

DOI: 10.22363/2312-8127-2019-11-4-315-328

Научная статья

Проблемы современного общества и этнический сепаратизм в Северо-Восточной Индии

С.А. Михайлов

Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10-2

Речь в данной статье идет о Северо-Восточной Индии, о современных проблемах ее социально-экономического развития в условиях, связанных с многолетними проявлениями этнического сепаратизма. Основная цель работы – системный анализ и выявление ключевых факторов и причин, способствующих сохранению сепаратизма в СВИ, а также поиск ресурсов, определяющих стратегию Индии в решении проблемы.

Первая часть статьи посвящена особенностям сепаратизма в регионе, который во многих отношениях остается закрытым и мало изученным. Кроме того, весьма подробно анализируются негативные умонастроения определенной части населения СВИ, которое не без оснований упрекает Дели в «дискриминации» и неспособности решить многочисленные проблемы региона.

В дальнейшем автор уделил подробное внимание этим проблемам современного общества СВИ (этнические, демографические, экономические, транспортные, социальные и так далее) и мерам, которые предпринимает индийское правительство по их решению.

Ключевые слова: Северо-Восточная Индия (СВИ), центральное правительство (Дели), Нарендра Моди, этнический сепаратизм, терроризм, дискриминация, проблемы развития СВИ

Введение

Когда говорят об Индии, упоминают ее цивилизационный потенциал, успехи экономического развития, культурные, географические особенности, значительный человеческий потенциал. Путь становления Индии как единого государства имеет свои особенности и связан с определенными трудностями в связи с мультиэтническим разнообразием. Возможно, эта проблема и дает, с одной стороны, эффект мощного рывка в развитии, с другой стороны, не позволяет полноценно раскрыться потенциалу индийского государства.

© Михайлов С.А., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Индия – это страна с неурегулированными национальными проблемами, сепаратистскими движениями, тем не менее, сохраняющая свою национальную идентичность в условиях глобализации и проблем мирового сообщества. Государство, не позволяющее «расташить страну по национальным квартирам», и в этом вопросе занимающее отнюдь не либерально-демократическую позицию. В течение десятилетий она проводит последовательно однозначную и жесткую политику по отношению ко всем сепаратистки настроенным регионам, в том числе и СВИ.

Этнополитический конфликт в Индии следует рассматривать как классический, связанный с процессами национального строительства в условиях вынужденного этнического объединения в единое государство различных народов и народностей.

Исследование проблемы

Проблемы этнического сепаратизма в СВИ, болезненная адаптация многочисленных «малых» народов в общее единое государственное пространство кроются в форсированных методах слияния разрозненных по национальному, языковому и культурному признаку регионов. Было бы не совсем верным объяснять ситуацию всего лишь одной исторической «несправедливостью» присоединения СВИ к Индии, как считают немало жителей региона [1].

Декларация БДП о создании «хинду раштра» (государства индусов) стала точкой отсчета неповиновения и сепаратизма по всей Индии, вызвав мощный всплеск националистических настроений. Культивирование национальной исключительности в таком многонациональном государстве, как Индия, чревато ростом сепаратизма.

Тем не менее, со временем конфликт трансформировался в стадию «медленного горения», но обнажил ряд объективных причин, которые до сих пор формируют сепаратистские настроения в Ассаме и Бодоленде, Манипуре, Нагаленде, Аруначал-Прадеш, Мегхалае.

Одной из важнейших причин является социально-экономическое отставание этих регионов от других территорий Индии. Казалось бы, что сепаратизм как явление имеет общие причины и законы вне зависимости от национальных особенностей, степени развития общества, экономического или социального положения. Тем не менее, сепаратизм в СВИ имеет свой рисунок и отличается от, скажем, европейского, ближневосточного или какого-либо иного его проявления. Хотя бы потому, что развивается в условиях уникального мультиэтнического общества, в довольно замкнутом пространстве, не выплескиваясь за внутренние рамки своего сообщества.

Безусловно, многообразие общества несет определенный дополнительный бонус развитию культуры, искусства и других сфер жизнедеятельности. Однако путь к консенсусу слишком сложен, когда затронуты жизнен-

но важные сферы жизнедеятельности, и связано это с различными видами ограничений для многих народов, населяющих Индию.

Проблема страны – в ее невероятной перенаселенности, многонациональности и конфессиональной структуре. Население Индии насчитывает более 1 млрд 340 млн человек, и рост этот продолжится еще не одно десятилетие [2].

В стране проживают десятки тысяч каст и подкаст, говорящих как минимум на 1562 языках, относящихся к разным лингвистическим группам. Число признанных государственных языков выросло до 25 [3]. Сложный конфессиональный состав только ухудшает ситуацию [4].

Таблица 1

Религия	Количество последователей (2019)	% от общей численности населения	
		2019	2008
Индуизм	1 099 933 480	80,5(+)	79,5 %
Ислам	199233234	14,4 (+)	13,4
Христианство	34 589 103	2,5 (+)	2,3
Буддизм	11 068 513	0,8	
Другие	31 821 975	2,3	
Народные верования	6 917 821	0,5 (+)	0,1

Неудивительно, что в таких условиях интересы малочисленных национальных общин вступают в противоречие с государственными структурами, стремящимися унифицировать национальное пространство. В таких условиях поиск возможностей объединения людей, живущих на территории современной Индии, представляется довольно сложной задачей.

К сожалению, народы этого региона оказались заложниками межэтнических, межрелигиозных, межгосударственных противоречий, и следует признать, что оптимально взвешенное решение этой проблемы неоправданно затянулось на многие десятилетия. Мировой опыт других стран, столкнувшихся с проблемами сепаратизма, предполагает длительный этап противостояний, с возможными отступлениями в ту или иную сторону. СВИ – взрывоопасный район, способный поставить под сомнение национальную безопасность Индии и ее территориальную целостность.

Так или иначе, сепаратизм в СВИ на сегодняшний момент имеет внутреннюю природу. Недовольство положением «изгоев» провоцирует радикально настроенное население на беспорядки и протесты. В условиях информационного общества, доступности социальных сетей сложно оставаться в неведении относительно собственного уровня развития.

В СВИ же фактор исторических предпосылок и претензий доминирует в сознании населения и служит питательной средой для возбуждения национальных амбиций в ущерб экономическому, социальному, культурному и развитию. На протяжении долгих лет в сознании местного населения укреп-

лялось мнение о том, что жители этих территорий подвергнуты длительной и несправедливой дискриминации со стороны властей [5].

Численность коренных жителей СВИ составляет около 46 млн человек (2019), они делятся более чем на 100 национальных групп. В их число входят народности с численностью менее чем 20 тыс. человек [6]. В расовом, культурном языковом отношении СВИ представляет крайне разнородное сообщество, не случайно рядом официальных постановлений он признан особой территорией. Культурно-лингвистические, а также исторические атрибуты идентичности не позволяют этим народам «раствориться» в Индии и в то же время препятствуют интеграции в единое государственное пространство. Ассимиляция еще со времен английской колонизации не дала существенных результатов, но и притязания этих народов на государственное самоопределение не имели ровно никакого положительного успеха.

Состав населения достаточно разнороден и не имеет этнического большинства в региональном масштабе. Наиболее многочисленными являются ассамцы и бенгальцы, менее – нага, мизо, кхаси и другие.

Конфессиональный состав не менее сложен, поскольку представляет последователей разнообразных религиозных течений. Религиозное большинство – индуисты Ассама и Трипура. Христиане по большей степени проживают в штатах Мегхалая – 64% населения, Мизорам – 85%, Нагаленд – 87%. Мусульмане представлены в штатах Ассам, Нагаленд [7].

Отправной точкой проблем региона, по мнению определенной части населения СВИ, принято считать 1947 год, когда в момент получения независимости и завершения британского правления территориальные противоречия решались силовыми методами, без учета интересов многочисленных народов, населяющих эти территории.

Трудно не согласиться с лидерами сепаратистов, что игнорирование интересов коренного населения, экономическое развитие региона по остаточному принципу, жесткое подавление инакомыслия на долгие годы исключило позитивное взаимодействие. Основной целью Дели являлось сохранение единого государственного пространства любой ценой.

Как правило, власть любой страны редко признает ошибочность своей деятельности, некоторые исследователи считают, что правящая элита сознательно проводила политику, исключаящую любые проявления либерализма в отношении СВИ с целью подавления протестных настроений. Такая стратегия при отсутствии программ экономического возрождения представлялась ошибочной по отношению к региону.

Очевидно, что метод кнута и пряника – не путь решения проблем сепаратизма в Индии. Дели в некотором смысле шел по пути небрежения социальными интересами населения региона СВИ. Стоит ли удивляться, что путь компромисса растянулся на десятилетия и привел к затяжному обострению межэтнических и межконфессиональных проблем, разрушению привычного уклада жизни и присущей народам СВИ модели идентичности.

Тем не менее, время «закрытых глаз» уходит в прошлое, и упрекнуть нынешнее правительство Нарендры Моды в бездействии было бы неверным. Но накопилось слишком много проблем, и даже постоянная и планомерная работа не способна решить застарелые проблемы в одночасье.

Анализируя программные заявления руководителей всех ветвей федеральной власти об экономическом положении в СВИ, следует признать требования населения обоснованными. Нет ни одного направления, в котором бы не существовало системных проблем. Очевидно, что они не решались десятилетиями. Показателен факт приезда Н. Моды в Манипур и Мегхалаю в 2016 году впервые за 30 лет [8].

Этот пример как нельзя лучше иллюстрирует сложившееся отношение к СВИ. Наследие прошлых лет, отставание по всем параметрам жизни существенное. Это во многом объясняет причину народного недовольства и поддержку сепаратистских устремлений в штатах Ассам, Нагаленд и т.д.

Говоря об уровне жизни ассамцев, бодо, мизо и других народов СВИ, следует признать, что здесь важен и фактор географии. Кажется, что сама природа испытывает их на прочность. Территория региона – это по большей части труднодоступные горные территории, оторванные от основной страны, что само по себе является фактором, усложняющим жизнь местного населения. Природные катаклизмы здесь нередки, что подвергает жизнь местного населения серьезным испытаниям, нарушая привычный уклад жизни. Так, например, известное разрушительное землетрясение 1950 года в Ассаме (8,5 баллов по шкале Рихтера) до сих пор отзывается последствиями. В результате речной эрозии, продолжающейся и поныне, было утрачено около 6 тысяч кв. км земли. Под ударом стихии оказались тысячи семей, ставших безземельными и бездомными. Печальной участи подвергся уникальный речной остров, паломнический Центр вишнуитского культурного наследия в Ассаме. Площадь острова в результате наводнений и эрозий сократилась с 709 (1949 год) до 524 кв. км (2011 год) [9].

Сложный географический рельеф не позволяет иметь качественную транспортную систему, по сути лишая местное население естественного права на передвижения. Дороги в условиях крайне влажного климата СВИ размываются и неспособны полноценно функционировать.

Население долгие годы ждет разрешения транспортной проблемы, и трудно отказать им в желании иметь современную транспортную систему (автомобильную, ж/д, водную и воздушную). Решение этой проблемы поможет в преодолении не только транспортной, но и психологической «оторванности» региона от основной Индии. Наблюдаемое в последние годы быстрое развитие транспортного сообщения пока не решает ее на 100%.

Серьезнейшей проблемой, нивелирующей усилия правительства Моды, является сложная демографическая ситуация в СВИ, впрочем, как и повсеместно в Индии. С 1901 по 2019 годы население региона увеличилось более чем в десять раз [10].

Причиной столь значительного увеличения численности населения является естественный прирост населения за счет высокой рождаемости, в том числе внутренняя миграция людей из соседствующих со СВИ районов, а также соседних государств (Бангладеш, Мьянма).

Сложная ситуация наблюдается в штатах Ассам и Трипура. Скученность населения вызывает радикализацию и маргинализацию населения, дискриминацию незащищенных слоев общества. Так, например, в Трипуре, где плотность населения высока, фиксируется рост преступности, растет уровень дискриминации и насилия в отношении женщин [11].

Таблица 2

Штат	Население (оценка, 2019)	Площадь (кв.км)	Плотность (чел / кв.км)
Аруначал-Прадеш	1,383,727 (0,11%)*	83,743 (2,55%)*	17
Ассам	31,205,576 (2,58%)	78,438 (2,39%)*	398
Маниपुर	2,570,390 (0,21%)	22,327 (0,68%)*	115
Мегхалая	2,966,889 (0,25%)	22,429 (0,68%)*	132
Мизорам	1,097,206 (0,09%)	21,081 (0,64%)*	52
Нагаленд	1,978,502 (0,16%)	16,579 (0,5%)*	119
Сикким	610,577 (0,05%)	7,096 (0,22%)*	86
Трипура	3,673,917 (0,3%)	10,486 (0,32%)*	350
Вся СВИ	45,486,784 (3,76%)	262,179 (7,98%)*	173
Вся Индия	1,210,569,573	3,287,263	382

Протестные настроения в виде уличных беспорядков, забастовок, блокад дорог стали обыденным явлением во многих штатах. Отсутствие должной безопасности в СВИ связано, прежде всего, с сохраняющейся террористической угрозой со стороны повстанческих группировок. И хотя за последнее десятилетие прогресс очевиден, количество инцидентов остается угрожающим в штатах Маниपुर, Ассам, Нагаленд [12].

Таблица 3

МВД Индии о ситуации с безопасностью в СВИ				
Штаты	Инциденты		Погибшие граждане	
	2009	2018	2009	2018
Аруначал-Прадеш	53	37	3	1
Ассам	424	28	152	7
Маниपुर	659	127	81	8
Мегхалая	12	15	3	4
Мизорам	1	3	1	0
Нагаленд	129	42	16	3
Трипура	19	0	8	0

Требования населения к власти связаны с обеспечением гражданской защиты, снижению уровня криминогенной опасности и реализации права на мирное существование и деятельность. Успехи Дели в решении данной проблемы очевидны. Практически в десять раз уменьшилось количество инцидентов, погибших гражданских лиц, сотрудников МВД Индии. Однако полностью остановить насилие индийские власти пока не в состоянии [13].

Таблица 4

Год	Инциденты	Погибшие радикалы	Задержанные радикалы	Погибшие военные	Погибшие граждане	Добровольно сдавшиеся радикалы	Радикалы, захваченные с оружием радикалы
2009	1297	571	2162	42	264	1109	420
2017	308	57	995	12	37	130	27
2018	252	34	804	14	23	161	58
2019*	136	6	556	4	16	45	14

* на момент 31.07.2019

Развитие экономики, трудовая занятость, отсутствие безработицы, – то, чего исторически не хватает в СВИ. Потенциал экономического развития здесь низок. Географические особенности ограничивают возможности развития, тем не менее, когда-то тот же Ассам достаточно динамично развивался, по праву гордясь своими знаменитыми чайными плантациями.

Ссылки на природные и антропогенные (миграционные) причины не могут быть убедительными, поскольку СВИ знал времена соразмерного экономического развития относительно других регионов страны (вплоть до 1947 года). Длительное экономическое отставание в период независимой Индии служит дополнительным фактором раздражения, ностальгии по временам Британской Индии, когда ряд территорий (ввиду близости к тогдашней столице Калькутте) считались довольно развитым регионом (по меркам Британской Индии).

Последовавшие далее исторические и политические события предопределили отставание СВИ и препятствовали развитию региона. К ряду объективных причин для этого можно отнести: (1) раздел страны, ставший причиной разрыва экономических связей в условиях распада единой транспортной системы, связывающих СВИ с остальной частью страны, только частично преодоленной в наше время; (2) Китайское вторжение 1962 года – НОАК оккупировала Аруначал-Прадеш, обострив политическую и экономическую ситуацию. Как следствие, наблюдался отток инвестиций ввиду нестабильной политической ситуации; (3) Война в пограничной Бангладеш

(1971) – приток мигрантов и беженцев захлестнул штаты СВИ, вызвав необратимые демографические изменения. Усилился рост повстанческих движений в штатах Ассам, Мегхалая, Трипура и Манипур. Нагаленд и Мизорам еще с 1950-х были затронуты экстремизмом [14].

Когда заходит речь об экономике региона, приводится много доводов и факторов, как будто бы объясняющих причину недостаточного развития промышленности региона: бедность природного потенциала; отсутствие необходимых руд промышленно полезных металлов (железо, алюминий, медь, цинк, олово, свинец и никель и др.); малые запасы угля и его низкое качество, не позволяющее его применение в промышленном масштабе.

Наблюдается низкий уровень энергетического обеспечения как промышленных, так и бытовых объектов. Для жителей многих штатов непрерывное энергоснабжение в течение 18 часов уже является серьезным достижением. В свою очередь, низкий уровень энергообеспечения предопределяет отсутствие возможностей для функционирования крупных промышленных предприятий. В восьми штатах есть только четыре НПЗ и два нефтехимических комплекса (при 46-миллионном населении) [15].

Экономика при практически полном отсутствии промышленных производств представлена по большей степени сельским хозяйством [16].

Таблица 5

Штат	Экономика
Аруначал-Прадеш	35% населения штата заняты с/х, доля обрабатываемых ирригацией земель – 17%; доля земель, занятых лесом – 62%. Основная с/х культура – рис.
Ассам	63% работающего населения штата заняты с/х и смежными отраслями; доля лесных угодий – 23%. Основная с/х культура – рис.
Манипур	88% «горного» и 60% «равнинного» населения штата заняты в с/х и смежных отраслях, животноводство, рыболовство и лесоводство.
Мизорам	60% населения штата заняты в с/х.
Мегхалая	80% населения штата заняты в с/х. Основная с/х культура – рис, фрукты.
Нагаленд	85% населения штата заняты в с/х.
Трипура	Основные с/х культуры – рис, джут, хлопок и чай, сахарный тростник, горчица и картофель.

Развитие сельского хозяйства СВИ на уровне личных подсобных хозяйств отражает современные тенденции правительства Индии в данном вопросе. Однако при отсутствии современных агропредприятий регион испытывает определенное напряжение, поскольку вряд ли способен обеспечить продовольствием свое население.

Повсеместно наблюдается сокращение пахотных земель в результате перенаселенности, при этом новые земли не осваиваются, отсутствует система ирригационных сооружений. Довольно низка продуктивность основной сельскохозяйственной культуры – риса. Слабо используются химические удобрения, сертифицированные семена и хороший посадочный материал. Неотработана логистическая система, отсутствуют современные системы хранения и переработки, оборудованные современные рынки. Местная власть не в состоянии справиться с этими проблемами, и при этом требует государственного регулирования и поддержки.

Сопутствующим и усугубляющим проблемы региона фактором является слаборазвитая финансовая база. Соотношение займов и депозитов составляет менее 50%. Отсутствие банковских кредитных средств и инвестиций в условиях нестабильности – явление обыденное, поскольку инвестировать в политически нестабильные регионы рискованно [17].

Экономическая либерализация, проводимая правительством Индии в разные годы, не оказала какого-либо заметного влияния на экономическое положение в СВИ даже относительно других регионов страны. Недостаточная положительная динамика экономического развития оказывает негативное влияние и на социальные показатели.

В частности, система здравоохранения в СВИ находится на низком уровне. Реализация новых инициатив и проектов в этой сфере на современном этапе уже не является достаточной. Несмотря на позитивные тенденции, у населения штатов отсутствует возможность в полной мере получать квалифицированную медицинскую помощь на местах.

Однако в рамках политики Н. Моды по строительству «Центров здравоохранения общин» (Community Health Centers, CHC) открываются новые медцентры, выравнивается соотношение пациентов и врачей [18].

Таблица 6

Данные Министерства информации Индии	
CHC	308
PHC	687
FRU (First Referral Unit – «Центр медицинской справочной информации»)	141
Проект «Национальная медицинская миссия» (National Health Mission, NHM)	215 экспертов
	1358 медработника
	3653 фельдшера, 6275 медсестер
«Мобильные медицинские центры» (в системе FRU)	187
Амбулаторные центры	703

Если говорить об образовании, как ни странно, уровень грамотности в СВИ достаточно высок и не выпадает за нижнюю черту в среднем по стране, а в таких штатах, как Мизорам и Трипура, он рекордно высок. Мизорам находится в числе лидеров, занимая третье место в стране. Уровень грамотности неуклонно растет, например, в Трипуре был зафиксирован рекордный рост показателей – 14% (с 73,2 до 87,2%) [19].

Таблица 7

Уровень грамотности (данные всеиндийской переписи 2011 г.)	
Аруначал-Прадеш	65,38%
Ассам:	72,09%
Манипур	68,87%
Мизорам	91,33%
Мегхалая	75,48%
Нагаленд	74,43%
Трипура	87,22%
Вся Индия (в среднем)	72,14% (2016)

Однако образовательный потенциал мало востребован в условиях отсутствия промышленной базы, и 60% населения заняты в низкотехнологичных отраслях. В ситуации откровенной бедности протестное движение будет сохранять актуальность.

Стоит также отметить, что претензии населения региона связаны с недостаточными возможностями изучения родных языков. Как и в других сферах, сфера педагогики испытывает нехватку кадров, в том числе и национальных. Этот вопрос ставится во главу угла местными националистическими и общественными организациями.

Недостаточен выпуск местной литературы, периодической печати, отсутствует система теле- и радиовещания. Как считают общественные деятели СВИ, только используя образовательные и культурные возможности, «племена штата могут быть возвращены к истокам, праву национальных меньшинств и племен в изучении истории своего народа, что послужило бы возрождению культуры, чувству идентичности и гордости» (Индира Ойнам, организация «Женщины Манипура за мир» [20].

Чувство гордости, о которой ратуют лидеры национальных движений, не возникает, если их гражданские права ущемляются. Национальные меньшинства подвергаются дискриминации и на уровне коренного большинства. Эта проблема не решается десятилетиями. В качестве примера – ситуация с народом чакма в штате Аруначал-Прадеш. В течение 50 лет им не предоставляют индийское гражданство, сохраняя статус мигрантов [21].

И таких примеров в регионе множество. Безусловно, проблемы гражданской дискриминации остаются острыми, вызывая социальную напряженность. Тем не менее, в последнее время заметна тенденция роста самоуважения, правовой грамотности, использования конституционных прав.

Заключение

То, что сепаратизм в СВИ продолжает оставаться проблемой, вызванной прежними серьезными просчетами внутренней политики Дели, вполне очевидно. Высокий уровень социальной напряженности, слабая экономическая база предполагает наличие протестного электората с мощным конфликтным потенциалом. Так или иначе, Индия всегда выступала в роли жесткого регулятора всех происходящих в СВИ процессов, следовательно, в ее возможностях искоренять перегибы в отношении населения региона.

Отставание в развитии СВИ предопределено рядом объективных причин и факторов. Высокий прирост населения, слабая экономическая база объективно не позволяет быстрыми темпами снижать уровень бедности. Современное состояние дел требует значительных усилий со стороны правительства Индии в области наращивания экономического потенциала СВИ, повышения уровня качества жизни местного населения с целью снижения градуса радикальных настроений в обществе.

Сепаратизм в СВИ, по крайней мере, на современном этапе, следует рассматривать в большей степени как ответ на социальные и экономические проблемы и жесткое регулирование этих процессов со стороны Центра и силовых структур. Поэтому сценарии разрешения этого этнополитического конфликта лежат в плоскости решения проблем развития региона. Важной составляющей для Дели является коррекция ментального восприятия истории, поиск идеи и общей платформы, объединяющей нацию.

Очевидно, что прошлые обиды, стремление к радикальному изменению статуса СВИ искажают восприятие населением существующих проблем. Главным является понимание важности будущего, нежели приоритет прошлого. Этнический изоляционизм СВИ вне Индии вряд ли приведет к реальному развитию региона, о котором так мечтают местные жители.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Phir ubhara Manipur ke vilay ka mudha («Вновь возник вопрос о правомерности вхождения Манипура в состав Индии») // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/hi> (дата обращения 27.10.2019).
- [2] Численность населения Индии. URL: <http://www.statdata.ru/naselenie-indii-chislennost> (дата обращения 11.10.2019).
- [3] Горохов С.А. Религиозный фактор в политической жизни современной Индии // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 2 (80), 2011. С. 95–100.
- [4] Население Индии (Pew Research Center. The Global Religious Landscape). URL: <https://countrymeters.info/ru/India> (дата обращения 17.10.2019).
- [5] Phir ubhara Manipur ke vilay ka mudha // Deutsche Welle (дата обращения 27.10.2019).
- [6] Das С.К. Purvattara me samabeshi vikas (India Water Portal) («Дас С.К. Инклюзивное развитие СВИ (Водный портал Индии»)). URL: <https://hindi.indiawaterportal.org/sustainable-development-and-eastern-india> (дата обращения 20.10.2019).

- [7] Царство, разделенное в себе // Независимая газета (17.10.2007)http://www.ng.ru/ng_religii/2007-10-17/7_kingdom.html (дата обращения 27.10.2019).
- [8] Ministry for Development of North-East Region (26.05.2016). <https://pib.gov.in/newsite/mbErel.aspx?relid=145709> (дата обращения 30.09.2019).
- [9] Ministry for Development of North-East Region (26.12.2016). <https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=155853> (дата обращения 02.10.2019).
- [10] Das С.К. Purvattara me samabeshi vikas (India Water Portal) (дата обращения 20.10.2019).
- [11] Pure Purvattara me kamal khilane me BJP («БДП начала предвыборную кампанию в СВИ») // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/hi/bjp-now-focusing-on-north-east-india/a-41821527> (дата обращения 17.10.2019).
- [12] Официальный сайт МВД Индии (раздел, посвященный СВИ). https://mha.gov.in/sites/default/files/Major_Initiatives.PDF (дата обращения 27.10.2019).
- [13] Официальный сайт МВД Индии (раздел, посвященный СВИ) (дата обращения 27.10.2019).
- [14] Das С.К. Purvattara me samabeshi vikas (India Water Portal) (дата обращения 20.10.2019).
- [15] Das С.К. Purvattara me samabeshi vikas (India Water Portal) (дата обращения 20.10.2019).
- [16] Hemant Singh: Bharat ke sat Uttar-Purvi rajya (Seven sisters): ek nazar me («Хемант Сингх. Семь сестер СВИ: обзор»). URL: <https://www.jagranjosh.com/general-knowledge> (дата обращения 10.11.2019).
- [17] Das С.К. Purvattara me samabeshi vikas (India Water Portal) (дата обращения 20.10.2019).
- [18] Purvattara kshetr me gatividhiya (adyaya 22). («Меры правительства Индии по развитию СВИ (глава 22)). URL: https://mohfw.gov.in/sites/default/files/22%20Chapter_HAN2018-19.pdf (дата обращения 01.12.2019).
- [19] Bharat me sanrakshata («Грамотность в Индии») // Vivace Panorama. URL: <http://www.vivacepanorama.com/literacy-in-india/> (дата обращения 01.12.2019).
- [20] Ministry for Development of North-East Region (6.05.2016). <https://pib.gov.in/newsite/printrelease.aspx?relid=145050> (дата обращения 30.09.2019).
- [21] Ministry for Development of North-East Region (11.10.2016). <https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=151588> (дата обращения 02.10.2019).

REFERENCES

- [1] Phir ubhara Manipur ke vilay ka mudha («Vnov vznik vopros o pravomernosti vhozheniya Manipura v sostav Indii») // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/hi> (дата обращения 27.10.2019).
- [2] Chislennost naseleniya Indii. URL: <http://www.statdata.ru/naselenie-indii-chislennost> (дата обращения 11.10.2019).
- [3] Gorokhov S.A. Religioznyy faktor v politicheskoy zhizni sovremennoy Indii // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedeniye: filosiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya. № 2 (80). 2011. S. 95–100.
- [4] Naseleniye Indii (Pew Research Center. The Global Religious Landscape). URL: <https://countymeters.info/ru/India> (дата обращения 17.10.2019).
- [5] Phir ubhara Manipur ke vilay ka mudha // Deutsche Welle (дата обращения 27.10.2019).

- [6] Das S.K. Purvattara me samabeshi vikas (India Water Portal) («Das S.K. Inklyuzivnoye razvitiye SVI (Vodnyy portal Indii»)). URL: <https://hindi.indiawaterportal.org/sustainable-development-and-eastern-india> (data obrashcheniya 20.10.2019).
- [7] Tsarstvo, razdelennoye v sebe // Nezavisimaya gazeta (17.10.2007) URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2007-10-17/7_kingdom.html (data obrashcheniya 27.10.2019).
- [8] Ministry for Development of North-East Region (26.05.2016). URL: <https://pib.gov.in/newsite/mbErel.aspx?relid=145709> (data obrashcheniya 30.09.2019).
- [9] Ministry for Development of North-East Region (26.12.2016). URL: <https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=155853> (data obrashcheniya 02.10.2019).
- [10] Das S.K. Purvattara me samabeshi vikas (India Water Portal) (data obrashcheniya 20.10.2019).
- [11] Pure Purvattara me kamal khilane me BJP («BDP nachala predvybornuyu kampaniyu v SVI») // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/hi/bjp-now-focusing-on-north-east-india/a-41821527> (data obrashcheniya 17.10.2019).
- [12] Ofitsialnyy sayt MVD Indii (razdel, posvyashchennyy SVI). URL: https://mha.gov.in/sites/default/files/Major_Initiatives.PDF (data obrashcheniya 27.10.2019).
- [13] Ofitsialnyy sayt MVD Indii (razdel, posvyashchennyy SVI) (data obrashcheniya 27.10.2019).
- [14] Das S.K. Purvattara me samabeshi vikas (India Water Portal) (data obrashcheniya 20.10.2019).
- [15] Das S.K. Purvattara me samabeshi vikas (India Water Portal) (data obrashcheniya 20.10.2019).
- [16] Hemant Singh: Bharat ke sat Uttar-Purvi rajya (Seven sisters): ek nazar me («Khemant Singh. Sem sester SVI: obzor»). URL: <https://www.jagranjosh.com/general-knowledge> (data obrashcheniya 10.11.2019).
- [17] Das S.K. Purvattara me samabeshi vikas (India Water Portal) (data obrashcheniya 20.10.2019).
- [18] Purvattara kshetr me gatividhiya (adyayay 22). («Mery pravitelstva Indii po razvitiyu SVI (glava 22)). URL: https://mohfw.gov.in/sites/default/files/22%20Chapter_HAN2018-19.pdf (data obrashcheniya 01.12.2019).
- [19] Bharat me sanrakshata («Gramotnost v Indii») // Vivace Panorama. URL: <http://www.vivacepanorama.com/literacy-in-india/> (data obrashcheniya 01.12.2019).
- [20] Ministry for Development of North-East Region (6.05.2016). URL: <https://pib.gov.in/newsite/printrelease.aspx?relid=145050> (data obrashcheniya 30.09.2019).
- [21] Ministry for Development of North-East Region (11.10.2016). URL: <https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=151588> (data obrashcheniya 02.10.2019).

Research article

Problems of the modern society and ethnic separatism in North-Eastern India (NER)

S.A. Mikhailov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10-2, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

This article deals with the issue of North-Eastern India, its current social and economic problems in the context of long-term demonstrations of the ethnic separatism. The main aim

of the research implies systematic analysis and identification of key factors and reasons perpetuating separatism in NER as well as resource search which determines Indian strategy in solving this problem.

The first part of the article is devoted to separatism peculiarities in the region which remains withdrawn and underexplored in many respects. Apart from this, the author provides a quite detailed analysis of negative mentality of the certain part of NER population which justifiably reproaches New Delhi for “discrimination” and inability to solve many problems of the region.

Then the author paid the detailed attention to these problems of NER modern society (ethnic, demographic, economic, transport, social etc.) as well as measures undertaken by the Indian government for its settlement.

Key words: North-Eastern India (NER), central government (New Delhi), Narendra Modi, ethnic separatism, terrorism, discrimination, problems of NER development

Информация о авторе / Information about the author

Михайлов Сергей Александрович, аспирант кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов

Sergey Mikhailov, postgraduate student of the Chair of the World history, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). *E-mail: wetter248@mail.ru*

Для цитирования / For citation

Михайлов С.А. Проблемы современного общества и этнический сепаратизм в Северо – Восточной Индии. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 4. С. 315–328. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-4-315-328>

Mikhailov S.A. Problems of the modern society and ethnic separatism in North – Eastern India // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 11. № 4. P. 315–328. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-4-315-328>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 13.12.2019

DOI: 10.22363/2312-8127-2019-11-4-329-340

Научная статья

Мемуары для обучения дофина» Людовика XIV: историческое свидетельство эпохи и «педагогический инструментарий

Н.В. Корчагина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского,
Институт искусств
410028, Россия, г. Саратов, ул. Заулошнова, 5

Статья посвящена исследованию литературного наследия короля Людовика XIV. Анализируя «Мемуары для обучения Дофина», «Размышления о ремесле короля» и «Советы герцогу Анжуйскому» Людовика XIV, автор статьи представляет их как «педагогический инструментарий» монарха, классифицируя содержание мемуарных трудов короля по нескольким условным тематическим рубрикам: 1) мнение о месте правителя в обществе, о трудностях «ремесла короля», об авторитете королевской власти; 2) советы по построению взаимоотношений с людьми, находящимися в подчинении; 3) размышления о работе и мотивации к ней, о трудолюбии, об упорстве и дисциплине; 4) общие замечания о представлении человека о самом себе, о нравственных ценностях. Для каждой из рубрик подобраны цитаты в оригинальном авторском переводе на русский язык, приведено обоснование их целесообразности в современных социо-культурных условиях. Актуальность идей, высказанных Людовиком XIV в его литературном наследии, подтверждается их сходством с известными воспитательными концепциями последних десятилетий.

Ключевые слова: Людовик XIV, воспитание, педагогический процесс, мемуары

Введение

Существующую на сегодняшний день научную литературу об эпохе Людовика XIV и его личности можно условно разделить на несколько направлений:

- 1) мемуары и письма Людовика XIV и его современников (Кольбер, мадам Лафайетт, мадам Севинье, мадам Ментенон, герцогиня Орлеанская, кардинал де Рец [11], герцог Сен-Симон [12] и др.);
- 2) биографии Людовика XIV (Ф. Блюш [1], Э. Дешодт [3] и др.);

© Корчагина Н.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

3) исторические исследования политики и войн Людовика XIV (В.Б. Лысяков [5], В.М. Овчинников [6], Е.А. Попова [7, 8], Ж.-К. Птифис [9], E. Lavissee [18], J.-P. Neraudau [20] и др.);

4) труды в области театра, музыки, балета, садово-паркового искусства, архитектуры эпохи Людовика XIV (Ф. Боссан [2,17], Э.С. Карапетян [4], А.Л. Ракова [10], М.А. Сидоренко [13, 14], О.С. Хохлова [16], G. Sabatier [21] и др.).

Исследование проблемы

«Мемуары для обучения Дофина» («*Mémoires pour l'instruction du Dauphin*») Людовика XIV представляют собой не только описания событий из жизни государства по годам (с 1661 по 1668) и автобиографические ремарки, но и документ-размышление о человеке и власти, об экономике, об искусстве ведения войны, то есть своеобразное руководство для наследника престола по управлению государством и «управлению» своей собственной жизнью. Мемуары – не единственный написанный собственноручно (и надиктованный) труд короля. Он является автором «Размышлений о ремесле короля» («*Réflexions sur le métier de Roi*», 1669) и «Советов герцогу Анжуйскому» («*Instruction au Duc d'Anjou*», 1700). К ним прибавляется и «Манера осматривать сады Версаля» («*Manière de visiter les jardins de Versailles*»), написанная в явной назидательной манере «руководства к действию».

Мемуарные труды Людовика XIV построены как некий внутренний диалог автора с Дофином (наследником престола), о чем свидетельствует часто встречающееся на страницах Мемуаров обращение «Сын мой». После описания конкретного события (военных действий, переговоров и т.п.) воспоминания содержат обобщения и размышления автора о происшедшем, о принятых им решениях и последствиях этих решений. Монарх «примером и советом» («*par l'exemple et par le conseil*») [19, Р. 21] интерпретировал данные выводы как рекомендации или предостережения для своего сына. Возможно, именно эти размышления и есть самый ценный для потомков материал, так как он позволяет не только узнать «из первых рук» о событиях того времени, не только в полной мере оценить глубину и значительность личности их автора как государственного деятеля и мыслителя, но так же и извлечь полезные уроки из советов, данных королем своему сыну.

Следовательно, можно говорить не только о хроникальной ценности Мемуаров как исторического документа эпохи, но и об их выраженной педагогической и воспитательной направленности. Людовик XIV посвящал своего наследника не только в тонкости «ремесла короля» («*métier de roi*»), он давал ему и педагогические советы, актуальность которых несомненна и в наши дни. Жозель Корнетт, комментатор одного из последних изданий «Мемуаров», говорит о «педагогическом инструментарии» («*des outils pédagogiques*») [19, Р. 13], который складывается из всех названных выше книг.

История знает ряд подобных литературно-педагогических документов, среди них – «Наставления» Карла V Габсбурга, «Королевский дар» Якова I Стюарта, «Наставление» Филиппа III Испанского, письма Екатерины Медичи сыновьям; в отечественной истории известно «Поучение» Владимира Мономаха. Все эти труды ставили своей целью оставить наследнику престола руководство по ведению дел государственной важности, по построению взаимоотношений с подчиненными и окружением, советы по разрешению возникающих жизненных трудностей. Людовик XIV в своих «Мемуарах для обучения Дофина» сделал это очень подробно, осмысливая происходящее, делая обобщенные выводы о необходимости определенной поведенческой стратегии по отношению к окружающим, уделяя этому внимание в большей мере, чем описанию конкретных событий.

Размышления-советы автора Мемуаров можно поделить на несколько тем:

1) Мнение о месте правителя в обществе, о трудностях «ремесла короля», об авторитете королевской власти. Поскольку в нашем исследовании мы рассматриваем Мемуары с точки зрения их педагогической и воспитательной ценности, не будем подробно останавливаться на данной тематике.

2) Советы по построению взаимоотношений с людьми, находящимися в подчинении. Здесь педагогическое начало выражено в стремлении короля обучить Дофина тонкостям взаимоотношений с подчиненными. Интересно отметить, что несмотря на сложившуюся в 17 веке во Франции форму власти (абсолютная монархия), всячески поддерживаемую Людовиком XIV и, более того, символом которой он сам и является в истории, мы не найдем в его Мемуарах советов по применению неограниченной власти к подчиненным. Наоборот, автор советует будущему правителю (перевод Н.В. Корчагиной):

- Излишняя суровость, жестокость недостойны человека. Милосердие – самая королевская из всех добродетелей. (*Une sévérité exessive indigne d'un homme. Je tacherais de vous faire connaitre le charme de la clémence, la plus royale de toutes les vertus*).

- Вы должны демонстрировать уважение к Вашим основным и наиболее достойным подчиненным, хорошо знать их и показывать им, что Вы хорошо обо всем информированы. Они должны знать, что даже если они служат Вам вдали от Вас, их заслуги не забыты. Вы должны помогать реализации их проектов. Для Ваших подчиненных должно быть привычно, что Вы хорошо обращаетесь с ними и доброжелательно разговариваете. Ваши интересы и их интересы – одно целое. (*Vous devez témoigner de l'estime, de connaitre les principaux sujets et ceux qui ont le plus de mérite, de montrer que vous etes informé de tous, et que les services que l'on rend loin de vous ne sont pas perdus, de favoriser leurs desseins, de les accoutumer par de bons traitements et des paroles. Deux interets ne sont qu'un*).

- Уважение наших подчиненных – это не подарок, который они нам преподносят, но то, что они дают нам в обмен на нашу справедливость и защиту, которые они надеются получить от нас. Они обязаны уважать нас, а

мы обязаны охранять их и защищать. И эти обязанности, которыми мы наделены по отношению к ним, являются нашими строжайшими обязательствами. (Le respect que nous recevons de nos sujets n'est pas un don qu'ils nous font, mais un échange avec la justice et la protection qu'ils prétendent recevoir de nous. Comme ils nous doivent honorer, nous les devons conserver et défendre ; et ces dettes dont nous sommes chargés envers eux, sont meme d'une obligation plus indispensable que celles dont ils sont tenus envers nous).

- Мы должны воспринимать благополучие наших подчиненных как нечто более важное, чем наше собственное благополучие. Наши подчиненные являются частью нас самих, потому что правитель – это голова, а они являются телом и его составляющими. И именно для их блага мы должны издавать законы. Власть, которую мы имеем над ними, должна служить наиболее эффективно для их счастья. (Nous devons considérer le bien de nos sujets bien plus que le notre propre. Ils font une partie de nous-memes, puisque nous sommes la tete d'un corps dont ils sont les memebres. Ce n'est que pour leurs propres avantages que nous devons leur donner des lois ; et ce pouvoir que nous avons sur eux ne nous doit servir qu'à travailler plus efficacement à leur bonheur).

- Недостаточно лишь только опросить человека, прежде чем доверить ему какое-либо дело, так как большинство людей легко могут притвориться способным его выполнить, желая получить ту власть, которая сопутствует выполнению этого дела. Необходимо тщательно понаблюдать за их деятельностью на том посту, который они занимают в настоящее время, так как, находясь под влиянием стремления к власти, они легко следуют своим дурным наклонностям, что прямо отражается на выполняемом ими в данный момент деле. (Il faut apprendre aux maitres à ne se pas contenter d'examiner les hommes avant que de les mettre dans l'emploi, parce que la plupart se déguisent aisément pour un temps, dans la passion de parvenir à l'autorité qu'ils se proposent, mais à les observer encore plus soigneusement lorsqu'ils sont actuellement dans le maniemment des affaires, parce qu'alors étant en possession de ce qu'ils désirent, ils suivent souvent avec plus de liberté leurs mauvaises inclinations, dont l'effet retombe toujours ou sur les affaires).

- Обращайтесь доброжелательно со всеми, никогда и ни с кем не разговаривайте злобно. Уважайте достойных людей. (Traitez-bien tout le monde; ne dites jamais rien de facheux à personne; mais distinguez les gens de qualité et de mérite).

- Чем более высокое положение в обществе занимает человек, тем более тщательно он должен обдумывать все, что собирается сказать. В особенности нельзя допускать ни малейшей интонации презрения по отношению к подчиненным. Если человек был оскорблен, в его душе живет незаживающая рана от этой обиды до конца его дней. (Plus une personne est grande et considérée, plus elle doit considérer lui-meme ce qu'elle dit. Surtout la moindre marque de mépris qu'elle donne d'un particulier. Ceux qui sont offensés, en portent dans le coeur une plaie qui ne finit qu'avec la vie).

• Везде и всюду есть люди, способные хорошо выполнить свою работу, и нашей задачей является отыскать их и поместить на подходящее им место. (Dans un grand Etat il y a toujours des gens propres à toutes choses, et la seule question est de les connaitre et de les mettre en leur place).

• Наши подчиненные – это наше истинное богатство. (Nos sujets sont nos véritables richesses) [19].

Педагогическая ценность этих советов в наше время также актуальна. Подобные принципы применяются грамотными управленцами и педагогами с целью построения доверительных и продуктивных взаимоотношений с коллективом любого состава.

3) Размышления о работе и мотивации к ней, о трудолюбии, об упорстве и дисциплине. Управление государством и сопутствующие этому официальные обязанности Людовик XIV считал основным делом, осознавал огромную ответственность и сложность своего призвания. Употребляемое им выражение, обозначающее его ежедневные государственные дела, – «*métier de roi*», – «ремесло короля», «работа короля» подтверждает вышесказанное в полной мере. Многие современники (Кольбер, мадам Лафайетт, герцогиня Орлеанская, кардинал де Ретц и др.) в своих воспоминаниях отмечали, что важнейшее место в распорядке жизни монарха занимала именно государственная работа. Свое особое отношение к «*métier de roi*» Людовик XIV стремился передать и своему сыну, о чем и высказывался на страницах Мемуаров.

Мемуары подтверждают, как много внимания уделял монарх государственным обязанностям, какое огромное значение своей «работе» он придавал, как настойчиво предостерегал Дофина от праздности и безделья, призывал его к стойкости, упорству, дисциплине, ежедневному полезному труду. Воспитательное значение этой мысли, многократно повторяющейся в различных вариациях на страницах мемуаров, сложно переоценить (перевод Н.В. Корчагиной):

• Никогда нельзя останавливаться при возникновении трудностей. Работа пугает только слабых. Если Ваш план смел и справедлив, не реализовывать его – это признак слабости характера. (Il ne faut pas s'arreter à la vue de la difficulté. La travail n'épouvante que les ames faibles; et dès lors qu'un dessein est avantageux et juste, ne le pas exécuter est une faiblesse).

• Нет ничего более тягостного, чем безделье. Если Вы, по несчастью, попадете под его власть, то сначала Вам покажутся отвратительными Ваши дела, затем – удовольствия, далее само отсутствие какого-либо занятия. Вы будете напрасно искать для себя повсюду то, чего не сможете найти – радость отдыха и развлечений без предшествующих им усталости от дел. (Rien ne vous saurait etre plus laborieux qu'une grande oisivité, si vous aviez le malheur d'y tomber, dégoûté premièrement des affaires, puis des plaisirs, puis d'elle-meme, et cherchant partout inutilement ce qui ne se peut trouver, c'est-à-dire la douceur du repos et du loisir, sans quelque fatigue et quelque occupation qui précède).

• Невозможно совершить значительные дела, не преодолев на этом пути различные трудности и препятствия. (L'on n'arrive jamais à la fin des vastes aventures sans essayer diverses difficultés).

• Если Вы хотите совершить или предпринять что-то необычайное, великое и красивое, Вы добьетесь успеха только в том случае, если будете размышлять над этим лучше и чаще, чем все остальные. (On ne fait jamais rien d'extraordinaire, de grand et de beau, qu'en y pensant plus souvent et mieux que les autres) [19].

4) Общие замечания о представлении человека о самом себе, о нравственных ценностях. Меткие, афористичные замечания короля об особенностях поведения людей были призваны предостеречь Дофина от ошибок во взаимоотношениях с окружающими, от излишней доверчивости; зывали к осторожности, к необходимости тщательно обдумывать слова и поступки. Он напоминает отеческие советы и замечания, которыми любящие родители снабжают своих детей на пороге самостоятельной жизни.

О человеке и его поведении (перевод Н.В. Корчагиной):

• Внешнее без внутреннего не значит ничего. (L'extérieur sans l'intérieur n'est rien du tout).

• Нет ничего более опасного, чем слабость, какого бы рода она ни была. (Rien n'est si dangereux que la faiblesse, de quelque nature qu'elle soit).

• Будьте суровы к Вашим собственным слабостям, осознавайте их. (Descendez avec quelque sévérité à la considération de vos propres faiblesses).

• Неуверенность приводит в уныние. Поэтому, если Вы достаточно тщательно обдумали Ваше дело, необходимо действовать, и действовать решительно в выбранном направлении. (L'incertitude désespère quelquefois; et quand on a passé un temps raisonnable à examiner une affaire, il faut se déterminer et prendre le parti qu'on croit le meilleur).

• Общеизвестные истины лгут в большинстве случаев, они способны обмануть лишь невежественные умы, так как все происходящее крайне редко происходит так, как предрекают эти истины. Ленивый ум довольствуется общеизвестными истинами, чтобы ничего не изучать, не исследовать, не размышлять самостоятельно. (Les maximes trompent la plupart du temps les esprits vulgaires; les choses sont rarement comme elles devraient être. La paresse s'arrête aux notions communes, pour n'avoir rien à examiner et rien à faire).

• Часто люди недооценивают значимость правильных и вовремя принятых действий, воображая, что мир управляется сам собой, с помощью случайных изменений, которые невозможно ни предвидеть, ни избежать. Такое понимание вещей легко принимается посредственными умами, потому что оно льстит их лени, позволяет им называть их промахи и ошибки «несчастьем», а успех других – «удачливостью». (Il arrive souvent qu'on veut obscurir le mérite des bonnes actions en s'imaginant que le monde se gouverne de

lui-meme, par certaines révolutions fortuites et naturelles qu'il était impossible de prévoir ni d'éviter : opinion que les esprits du commun reçoivent sans peine, parce qu'elle flatte leur peu de lumière et leur paresse, leur permettant d'appeler leurs fautes du nom de malheur, et l'industrie d'autrui du nom de bonne fortune).

• Вы не можете быть хорошим для всех, потому что то, что нравится одним, повергает в гнев других. (Vos ne pourriez satisfaire à tout, parce que le meme chose qui contente l'un en fache toujours plusieurs autres).

• Нам необходимо тщательно обдумывать наши действия и поступки, потому что, к несчастью, плохой пример часто находит больше последователей, чем хороший. (Il nous faut bien peser toutes nos actions, puisque les mauvais exemples trouvent encore plus d'imitateurs que les bons).

• Если им [врагам] ничего не стоило сделать то, что они уже совершили против Вас, то никто не поручится, что они не совершат этого снова. (S'il ne leur coûte rien de nouveau pour ce qu'ils ont entrepris, qui vous répond qu'ils ne l'entreprendront point encore?)

• Мы имеем дело не с ангелами, но с людьми, для которых чрезмерная власть всегда является соблазном, чтобы использовать ее в своих интересах. (Nous n'avons pas affaires à des anges, mais à des hommes à qui le pouvoir excessif donne presque toujours à la fin quelque tentation d'en user).

• Дружба с соседом может быть приобретена сравнительно небольшими усилиями, в то время как если вдруг она превратится во вражду, это может грозить нам гораздо большими затратами и разорением. (Un voisin, qu'avec peu de dépense nous aurions pu faire notre ami, nous coute quelquefois bien cher quand il devient notre ennemi).

• Ваша собственная порядочность и безупречное умение держать данное слово не должны сделать Вас настолько неосторожными, чтобы верить безоглядно слову других. (Qu'il soit de la probité d'un prince d'observer indispensablement ses paroles, il n'est pas de sa prudence de se fier absolument à celle d'autrui).

• В мире так мало людей, способных выполнить данные ими обещания! (On trouve peu de gens qui fassent subsister leurs promesses) [19].

О советах и советчиках (перевод Н.В. Корчагиной):

• Прислушиваться к советам – это не есть, как думают глупцы, свидетельство слабости или зависимости, но свидетельство осторожности и уверенности в себе. (Prendre conseil de différentes gens n'est pas, comme les sots se l'imaginent, un témoignage de faiblesse ou de dépendance, mais plutôt de prudence et de solidité).

• Советы, которые нам даются, не принуждают нас к обязательству им следовать, но мы можем принять их к сведению в случае, если они покажутся нам резонными. Советы не преуменьшают силу нашего собственного разума, а наоборот, способствуют его развитию более, чем что-либо другое.

(Les conseils qui nous sont donnés, ne nous engagent à les suivre qu'en tant qu'ils nous paraissent raisonnables et loin de diminuer l'esprit de notre propre capacité, ils la relèvent plus assurément que toute autre chose) [19].

О нравственных ценностях (перевод Н.В. Корчагиной):

- Правила справедливости и чести являются почти всегда еще и правилами наибольшей целесообразности. (Les règles de la justice et de l'honneur conduisent presque toujours à l'utilité meme).

- Нет ничего более бесчестного, как отступить от ранее данного слова. Единственный способ держать данное слово – это давать его исключительно только после зрелых размышлений. (Il n'y a rien de plus malhonnête que de se dédire de ce que l'on avait avancé. Le seul moyen de tenir inviolablement sa parole est de ne la jamais donner sans y avoir murement pensé).

- Ни религия, ни честное слово не являются, увы, достаточным основанием, чтобы удержать от предательства тех, кто рожден с подлой душой. (Ni la religion ni la foi des paroles données ne sont pas assez fortes pour retenir ceux qui naturellement sont de mauvaise foi).

- Любить деньги просто из любви к деньгам как таковым – это страсть, недостойная добродетельного сердца. Воспитанный человек воспринимает деньги только как средство, необходимое для реализации его проектов, и никогда – как объект желаний. (Aimer l'argent pour l'amour de lui-même est une passion dont les belles âmes ne sont pas capables; elles ne le considèrent jamais comme l'objet de leurs désirs, mais seulement comme un moyen nécessaire à l'exécution de leurs desseins).

- Репутация – это огромная ценность и мера Вашей чести, и недостаточно один раз ее завоевать. Необходимо постоянно поддерживать ее в самом возвышенном состоянии, что возможно только путем совершения длинной череды хороших поступков. Однако репутация настолько хрупка, что можно назвать ее самой хрупкой вещью на свете: разрушить ее можно в одно мгновение, совершив один-единственный проступок или неосторожность. (La réputation est si noble et si précieux et aussi le plus fragile de monde, ce n'est pas assez de l'avoir acquis si l'on ne veille continuellement à sa conservation; cette estime, qui ne se forme que par une longue suite de bonnes actions, peut être en un moment détruite par une seule faute que l'on commet) [19].

Педагогическая и воспитательная составляющая, по мнению Людовика XIV, имела огромное значение в деятельности короля. Он отдавал должное педагогической работе и в своих Мемуарах: «Мы обязаны тем людям, кто взял на себя тяжелый труд и честь воспитывать наш разум и нрав» (Il n'y a personne à qui nous devions davantage qu'à ceux qui ont eu l'honneur et la peine tout ensemble de former notre esprit et nos mœurs) [19]. Для монарха педагогическая деятельность прямо могла быть направлена только на одного ученика – Дофина (косвенно, разумеется, она распространялась и на всех жителей государства, о чем упомянуто в приведенных выше цитатах). Учитывая

важность функций, которые придется в будущем исполнять наследнику престола, король принимал на себя большую часть ответственности по его воспитанию и подготовке к «ремеслу короля» («*métier de roi*»).

Таким образом, Мемуары могут быть рассмотрены в качестве определенного «педагогического инструментария» монарха. Хотя его труды и не преследовали цель выстроить строгую педагогическую систему, но они представляли собой обобщение собственного жизненного опыта, который, по убеждению короля, должен послужить Дофину инструкцией в деле управления государством и в построении его жизненного пути.

Заключение: историко-биографическое наследие Людовика XIV обнаруживает «созвучность» многим современным взглядам на место человека в общественно-культурном контексте, на поиск своей роли в обществе. Высказанные Людовиком XIV на страницах Мемуаров взгляды на нравственные ценности человека, на формирование целей в жизни и способов их достижения являются актуальными и сегодня, они во многом совпадают со многими современными педагогическими концепциями (личностно-ориентированными концепциями самоорганизуемого воспитания С.В. Кульневич; системно-ролевой теорией формирования личности Н.М. Таланчук; концепцией Н.Е. Щурковой и др.). Литературное наследие Людовика XIV («Мемуары для обучения Дофина», «Размышления о ремесле короля» и «Советы герцогу Анжуйскому»), из круга чтения, изначально предназначенного Дофину, с течением времени стало доступно и для изучения широкой публикой. Современный читатель также может прислушаться к советам короля, сохранившим свою историческую ценность много столетий спустя. Большинство его высказываний, обобщений и советов не потеряли своей актуальности и сегодня.

Research article

Memoirs for the Training of the Dauphin» of Louis XIV: Historical Document and «Pedagogical Tools

Nataliya V. Korchagina

Saratov State University
Institute of arts

Zauloshnova str., 5, Saratov, 410028, Russia

The article is devoted to the study of the literary heritage of king Louis XIV. Analyzing the "Memoirs for the education of the Dauphin", "Reflections on the craft of the king" and "Advice to the Duke of Anjou" of Louis XIV, the author presents them as "pedagogical tools" of the monarch, classifying the contents of the memoir works of the king on several conventional subject headings: 1) opinion about the place of the ruler in society, about the difficulties of "king's metier ", about the authority of the Royal power; 2) tips for building relationships

with people who are in submission; 3) reflections on work and motivation for it, about diligence, perseverance and discipline; 4) General remarks about the idea of a person about himself, about moral values. For each of the headings, quotes in the original author's translation into Russian are selected, the justification of their expediency in modern socio-cultural conditions is given. The relevance of the ideas expressed by Louis XIV in his literary heritage is confirmed by their similarity to the well-known educational concepts of recent time.

Key words: Louis XIV, education, pedagogical process, memoirs

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Блюш Ф. Людовик XIV. Москва: Ладомир, 1998. 815 с.
- [2] Боссан Ф. Людовик XIV, король-артист. Москва: Аграф, 2002. 272 с.
- [3] Дешодт Э. Людовик XIV. М.: Молодая гвардия, 2011. 320 с.
- [4] Карапетян Э.С. Феномен версальских празднеств в эпоху Людовика XIV // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2015. С. 253–256.
- [5] Лысяков В.Б. Социально-политические воззрения Людовика XIV: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.00, 07.00.03. Москва, 2003. 225 с.
- [6] Овчинников В.М. Основные тенденции в развитии военно-политической доктрины абсолютизма во Франции в период правления Людовика XIV // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 110–114.
- [7] Попова Е.А. Идея объединения Испании в начале XVIII века // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. № 2. 2015. С. 45–53.
- [8] Попова Е.А. Отечественная историография о «Веке Людовика XIV» в Европе // 25 лет внешней политике России: Материалы X Конвента РАМИ. Т. 3. М., МГИМО, 2017. С. 114–127.
- [9] Птифис Ж.-К. Людовик XIV. Слава и испытания. СПб.: Евразия, 2008. 384 с.
- [10] Ракова А.Л. Версальские праздники Короля Солнце. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2004. 17 с.
- [11] Рец Ж.-Ф.-П. де Гонди, кардинал. Мемуары. М.: Ладомир, 1997. 832 с.
- [12] Сен-Симон, герцог. Мемуары. 1691–1701. М.: Ладомир, Наука, 2007. 992 с.
- [13] Сидоренко М.А. От Мазарини к Людовику XIV: Формирование репрезентативного образа королевской власти при старом порядке // Диалоги со временем. 2017. № 58. С. 181–200.
- [14] Сидоренко М.А. Придворный балет Людовика XIV – дело государственное // Новая и новейшая история. 2016. № 1. С. 190–201.
- [15] Хеншелл Н. Миф абсолютизма. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.
- [16] Хохлова С.П. Семантика дворцово-паркового ансамбля Версаля: дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 : Москва, 2005. 251 с.
- [17] Beaussant P. Le Roi-Soleil se leve aussi. Paris: édition Tallandier, 2000. 262 p.
- [18] Lavisse E. Louis XIV: histoire d'un grand regne (1643–1715). Paris, 2010. 1312 p.
- [19] Louis XIV Mémoires pour l'instruction du Dauphin, suivis de Réflexions sur le métier de Roi (1669), Instruction au Duc d'Anjou (1700), Projet de harangue (1710), Manière de visiter les jardins de Versailles. Paris : édition Tallandier, 2012. 354 p.
- [20] Neraudau J.-P. L'Olympe du Roi-Soleil: mythologie et ideologic royale au Grand Siecle. Paris, 1986. 383 p.
- [21] Sabatier G. Le prince et les arts: strategies figuratives de la monarchie francaise, de la Renaissance aux Lumieres. Seyssel. Champ vallon, 2010. 459 p.

REFERENCES

- [1] Blyush F. Lyudovik XIV. Moskva: Lodomir, 1998. 815 s.
- [2] Bossan F. Lyudovik XIV, korol'-artist. Moskva: Agraf, 2002. 272 s.
- [3] Deshodt E. Lyudovik XIV. M.: Molodaya gvardiya, 2011. 320 s.
- [4] Karapetyan E.S. Fenomen versal'skih prazdnestv v epohu Lyudovika XIV // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 2015. S. 253–256.
- [5] Lysyakov V.B. Social'no-politicheskie vozzreniya Lyudovika XIV: dissertaciya ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.00, 07.00.03. Moskva, 2003. 225 s.
- [6] Ovchinnikov V.M. Osnovnye tendencii v razvitii voenno-politicheskoy doktriny abssolyutizma vo Francii v period pravleniya Lyudovika XIV // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 2. S. 110–114.
- [7] Popova E.A. Ideya ob"edineniya Ispanii v nachale XVIII veka // Vestnik RUDN. Seriya Vseobshchaya istoriya. № 2. 2015. S. 45–53.
- [8] Popova E.A. Otechestvennaya istoriografiya o «Veke Lyudovika XIV» v Evrope // 25 let vneshnej politike Rossii: Materialy X Konventa RAMI. T. 3. M., MGIMO, 2017. S. 114–127.
- [9] Ptifis ZH.-K. Lyudovik XIV. Slava i ispytaniya. SPb.: Evraziya, 2008. 384 s.
- [10] Rakova A.L. Versal'skie prazdniki Korolya Solnce. SPb.: Gosudarstvennyj Ermitazh, 2004. 17 s.
- [11] Rec ZH.-F.-P. de Gondi, kardinal de. Memuary. M.: Lodomir, 1997. 832 s.
- [12] Sen-Simon, gercog de. Memuary. 1691–1701. M.: Lodomir, Nauka, 2007. 992 s.
- [13] Sidorenko M.A. Ot Mazarini k Lyudoviku XIV: Formirovanie reprezentativnogo obraza korolevskoj vlasti pri starom poryadke // Dialogi so vremenem. 2017. № 58. S. 181–200.
- [14] Sidorenko M.A. Pridvornyj balet Lyudovika XIV – delo gosudarstvennoe // Novaya i novejschaya istoriya. 2016. № 1. S. 190–201.
- [15] Henshell N. Mif abssolyutizma. SPb.: Aletejya, 2003. 272 s.
- [16] Hohlova S.P. Semantika dvorcovo-parkovogo ansamblya Versalya: Dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.13 : Moskva, 2005. 251 s.
- [17] Beaussant P. Le Roi-Soleil se leve aussi. Paris: édition Tallandier, 2000. 262 p.
- [18] Lavissee E. Louis XIV: histoire d'un grand regne (1643–1715). Paris, 2010. 1312 p.
- [19] Louis XIV Mémoires pour l'instruction du Dauphin, suivis de Réflexions sur le métier de Roi (1669), Instruction au Duc d'Anjou (1700), Projet de harangue (1710), Manière de visiter les jardins de Versailles. Paris : édition Tallandier, 2012.
- [20] Neraudau J.-P. L'Olympe du Roi-Soleil: mythologie et ideologic royale au Grand Siecle. Paris, 1986. 383 p.
- [21] Sabatier G. Le prince et les arts: strategies figuratives de la monarchie francaise, de la Renaissance aux Lumieres. Seyssel. Champ vallon, 2010. 459 p.

Информация об авторе / Information about the author

Наталья Викторовна Корчагина – кандидат педагогических наук, доцент, доцент Института искусств. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского». E-mail: knv-piano@mail.ru

Nataliya V. Korchagina, PhD in Pedagogy, Associate Professor at the Institute of art in Saratov national research state University named after N. G. Chernischevsky, Russian Federation. E-mail: knv-piano@mail.ru

Для цитирования / For citation

Корчагина Н.В. «Мемуары для обучения Дофина» Людовика XIV: Историческое свидетельство эпохи и «педагогический инструментарий» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 4. С. 329–340. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-4-329-340>

Korchagina N. «MEMOIRS FOR THE TRAINING OF THE DAUPHIN» OF LOUIS XIV: HISTORICAL DOCUMENT AND «PEDAGOGICAL TOOLS» // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 11. № 4. P. 329–340. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-4-329-340>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 20.03.2019

DOI: 10.22363/2312-8127-2019-11-4-341-350

Научная статья

«Эдикт Фонтенбло» и его историческое значение

Н.А. Новодержкин, Е.А. Попова

Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В статье рассматривается эдикт Фонтенбло, подписанный Людовиком XIV 17 октября 1685 г. Этот государственный акт подвел черту под политикой веротерпимости во Франции той эпохи. Благодаря Генриху IV и его Нантскому эдикту (1598 г.), Франция стала страной, юридически признавшей конфессиональную разобщенность, что позволило завершить религиозную войну, которая истощала государство. Нантский эдикт, признававший права гугенотов, был назван «вечным» и «безотзывным». Однако, с усилением королевской власти, подчинение протестантизма казалось гарантией порядка и стабильности во французском королевстве, обеспечивая религиозную унификацию страны. Текст эдикта публикуется на русском языке впервые (см. приложение № 1) в переводе Н.А. Новодержкина.

Ключевые слова: эдикт Фонтенбло, Людовик XIV, отзыв Нантского эдикта, протестанты, политика религиозной терпимости во Франции

Эдикт, подписанный Людовиком XIV 17 октября 1685 г. и зарегистрированный спустя пять дней парижским парламентом, подвел черту под политикой веротерпимости во Франции. Официальное название документа «Эдикт об отзыве Нантского эдикта» передает смысл этого законодательного акта. Во французскую историю это событие так и вошло под названием «отзыв» (*revocation*), а в российской исторической литературе именуется «Эдикт Фонтенбло» [1; 2; 3]. Несмотря на известность этого исторического документа, до сих пор не было перевода полного текста эдикта на русский язык.

За образец перевода с французского языка был взят опубликованный на русском языке текст Нантского Эдикта, чтобы подчеркнуть преемственность этих документов. В статье и переводе «Религия, называющая себя Реформаторской» (*Religion Pretendue Reformee*) сохраняет аббревиатуру «R.P.R.», т.к. таким образом она чаще всего обозначается в современной исторической литературе при переводе с французского языка [4].

© Новодержкин Н.А., Попова Е.А., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Сам «Эдикт Фонтенбло» является довольно коротким документом и состоит из преамбулы и двенадцати статей. В преамбуле Людовик XIV объясняет, что преждевременная смерть Генриха IV помешала ему осуществить свое намерение воссоединить Церковь и объясняет свое решение вернуться к этому вопросу: «Мы, с благодарностью Богу, видим, что наши усилия закончились поскольку, лучшая и большая часть наших подданных указанной религии, именующей себя реформированной (R.P.R.), стали католиками» и однозначно выражает свое желание «...полностью стереть память о волнениях, путаницей и злом связанных с развитием этой ложной Религии...» [8. С. 531–532].

В первой статье эдикта Людовик XIV обобщает содержание «Эдикта Фонтенбло» и подчеркивает отзыв не только «Нантского Эдикта», но и всех других принятых законов и деклараций: «...Эдикт нашего деда-короля, подписанный им в Нанте в апреле 1598 года, со всеми его статьями и их частями, выданными письмами, а также Эдикт, подписанный в Ниме в июле 1629 года... ликвидируем все уступки, сделанные как этим, так и другими эдиктами, декларациями...». Еще раз формулирует главную цель эдикта: «...чтобы все храмы R.P.R.... были бы немедленно снесены» [8. С. 532].

Статьи вторая и третья запрещают протестантское богослужение: гугенотам «...более не собираться для отправления службы вышеуказанной религии»; особо запрещается дворянам проводить богослужение «...в их домах и землях...». Обозначено наказание «...в виде лишения свободы и конфискации имущества» [8. С. 532].

Пасторам Реформаторской церкви посвящено три статьи: статья четвертая предписывала им прекратить свои проповеди и признать Римскую католическую церковь либо в течение пятнадцати дней покинуть королевство. Эта же статья определяет и наказание для ослушавшихся – ссылка на галеры. Эдикт предусматривает льготы для обратившихся пасторов, а также их вдовам. Статья пятая сохраняет за обратившимися пасторами налоговые льготы и освобождение от драгонад (1), введенных в практику государственным секретарем по военным делам Франсуа Мишелем Летелье, маркизом де Лувуа [3. С. 157]: «...освобождены от тальи (2) и от проживания военных». Статья шестая предусматривает льготы на тот случай, если они захотят стать юристами или получить степень доктора права: «...освобождены на три года от экзаменов... будут утверждены в докторской степени, заплатив только половину от положенного» [8. С. 532–533].

Детям в протестантских семьях посвящены седьмая и восьмая статьи «Эдикта Фонтенбло». Запрещая школы для детей и всякое влияние на детей в духе Реформаторской религии, закон приказывает родителям-протестантам отвести детей в церковь и заплатить штраф, а также обязывает приходских католических священников крестить всех детей протестантов и воспитывать их в католической вере. Судьям на местах предписывается следить за этим [8. С. 533].

Статья девятая прописывала порядок возвращения тех протестантов, которые оказались за пределами королевства «...в течение четырех месяцев, со дня оглашения, они могут вернуться домой и владеть своим имуществом... те, кто в течение четырех месяцев не вернется... будут покинуты, и все оставленное ими будет конфисковано...» [8. С. 533]. Далее, в десятой статье эдикта, предписывалось протестантам покинуть королевство и «...сделать это быстро под страхом наказания отправления на галеры мужчин и конфискации, и лишения свободы для женщин» [8 С. 533]. В статье одиннадцатой Людовик XIV еще раз подтверждает свое желание строго соблюдать подписанный им эдикт.

Компромиссная двенадцатая статья разрешала протестантам сохранять свою веру при полном запрете отправления культа, «ожидая, что Бог просветит их» [8. С. 534]. Как указывает американская исследовательница Маргарет Максвелл, по мнению властей, религиозное верование без публичного богослужения было бы настолько пустым и бессмысленным, что оно не могло бы поддерживаться и передаваться следующему поколению, а превратилось бы не более чем в дело чести или личного мнения [12].

В 1985 г. историческое сообщество в память о трехсотлетней истории этого документа подчеркнуло его значение для изучения истории религиозной терпимости [12. С. 24]. Истинная терпимость в смысле разделения церкви и государства была невозможна во Франции XVII в. [7. С. 25]. Терпимость как позитивный термин, как принцип, который допускает существование различных практик и верований без вмешательства извне, возникла только в XVIII в., в эпоху Просвещения.

Аугсбургский религиозный мир 1555 г. утвердил принцип, согласно которому подданные того или иного государя должны были исповедовать его религию: чья власть, того и вера (*cuius regio, eius religio*). Однако данная доктрина не применялась за пределами Священной Римской империи Германской нации [2]. Благодаря Генриху IV Франция стала исключением, образовав «симфонию двух религий». Нантский Эдикт 1598 г. стал самым известным примером юридического признания конфессиональной разобщенности и завершил религиозную войну, истощавшую государство. Этот компромисс, по существу, означал признание веротерпимости [1. С. 203; 6. С. 219].

После Тридцатилетней войны многие страны Европы принимают положения Аугсбургского религиозного мира, и следовать принципу *cuius regio, eius religio* стремятся все европейские государства. Эдикт, подписанный в 1598 г. Генрихом IV в Нанте, названный «вечным» и «безотзывным», отменяется эдиктом, подписанным в Фонтенбло в 1685 г. Являясь обычным государственным документом того времени, «Эдикт Фонтенбло» имел и некоторые новые черты: он охватывал «поколение в поколении» [10. С. 439], т.к. позже ни Декларации 1715 г. и 1724 г., ни Эдикт 1787 г., которые усиливали светский характер государства, не вернули в страну протестантов. Принятие Версальского эдикта о веротерпимости 1787 г. (за два года до Французской революции) восстановило равные гражданские права протестантов и католиков во французском обществе [5].

Как отметил американский историк Ричард Голден, «Эдикт Фонтенбло» является примером религиозной нетерпимости, нормальной для европейской цивилизации того времени [9. С. 2]. Общественное мнение, государственные органы, Парламенты, провинциальные штаты (особенно провинциальные штаты Лангедока), духовенство, – все эти общественные силы желали подавления кальвинизма, и каждая из них с удивительным упорством и неистовством добивались поставленной цели [3. С. 196]. Знаменитый английский философ, один из теоретиков Просвещения и либерализма, Джон Локк в работе о судьбе протестантов во Франции – «Письма о веротерпимости», написанное через несколько месяцев после появления «Эдикта Фонтенбло», подтверждает это [11].

Во Франции XVII в. сложился парадокс: Нантский Эдикт – это первая победа абсолютизма, благодаря которой Генрих IV смог навязать католикам представление о реформированной религии (R.P.R.), а протестанты стали безусловными сторонниками абсолютизма. Этот же абсолютизм приводит веком позже к гибели двухрелигиозной системы, но не в качестве мести католицизма, а как триумф религии короля. Однако этот триумф ослабил политическую модель. Сомнения возникли в отношении функционирования такой модели абсолютной монархии, и критика зачастую исходила уже от гугенотов, когда-то убежденных сторонников этого абсолютизма.

За пределами Франции эта дата – 1685 год – имела глобальное значение. Она символично инициирует передачу превосходства, которое постепенно перейдет от Франции к Великобритании и, в более широком смысле, к англо-саксонскому миру. Этот переход лидерства сопровождался изменением модели управления: упадком абсолютной монархии, на смену которой приходили другие политические модели.

Примечания

(1) Драгонады (фр. dragonnades) – принудительный постой войск, в основном драгунских полков, в домах гугенотов, применявшийся французским правительством с 1681 по 1685 год, в целях принуждения протестантов к переходу в католичество. Следствием размещения войск становилось массовое разорение хозяйств, принадлежащих гугенотам, и террор против населения.

(2) Талья (фр. taille) – с XVII в. прямой налог французского королевства, обеспечивающий до 50 % доходной части государственного бюджета. Изначально талья возникла из феодального права сеньора требовать денежной «помощи» от вассалов и подвластных крестьян.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Васильев Л.С. Всеобщая история. Т. 3. От Средних веков к Новому времени (XVI–XVIII вв.). М.: КДУ, 2015. 606 с.

- [2] Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Реформация и политическая жизнь в XVI и XVII вв. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2015. 560 с.
- [3] Лысяков В.Б. Людовик XIV и церковь // Французский ежегодник 2004. Формы религиозности в XV – начале XIX вв. М., 2004. С. 135–161.
- [4] Птифис Ж.-К. Людовик XIV. Слава и испытания. СПб.: АСТ, 2008. 382 с.
- [5] Ферро М. История Франции / Пер.: Г. Беляева, В. Ковалев, В. Ковалева, Е. Морозова, Екатерина Пичугина, Т. Пошерстник, Н. Силкина, П. Тимофеев. М.: Весь мир, 2015. 832 с.
- [6] Bonheur G. Henri Quatre. Paris. Edions Ramsay. 1977. 222 p.
- [7] Dompnier B. Le venin de l'hérésie: image du protestantisme et combat catholique au XVIIe siècle. Paris: Le Centurion, 1985. 277 p.
- [8] Edit portant révocation de l'édit de Nantes. Fontainebleau, octobre 1685 // Recueil Général des Anciennes Lois Françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789. Tome XIX. 1672–1686. Paris: Librairie de Plon Frères. P. 530–534. Текст воспроизведен в авторском переводе Новодержкина Н.А.
- [9] Golden R.M., Introduction. In: The Huguenot connection, the Edict of Nantes. its revocation. And early French migration to South Carolina / Ed. by R.M. Golden. Kluwer Academic Publishers. Dordrecht – Boston – Lancaster, 1988. P. 1–27.
- [10] Joutard Ph. La révocation de l'édit de Nantes ou les faiblesses d'un Etat. Paris, Gallimard. 2018. 555 p.
- [11] Locke J. A Letter Concerning Toleration. [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/A_Letter_Concerning_Toleration (дата обращения: 11.10.2018).
- [12] Maxwell M. The Division in the Ranks of the Protestants in Eighteenth Century France // Church History. Cambridge University Press on behalf of the American Society of Church History. Vol. 27, № 2 (Jun., 1958). P. 107–123.
- [13] Sutherland N. M. The Crown, the Huguenots, and the Edict of Nantes // In: The Huguenot connection, the Edict of Nantes. its revocation. And early French migration to South Carolina / edited by Richard M. Golden. Kluwer academic publishers Dordrecht / Boston / Lancaster. 1988. P. 28–48.

REFERECES

- [1] Vasil'ev L.S. Vseobshhaja istorija. T. 3. Ot Srednih vekov k Novomu vremeni (XVI–XVIII vv.). [World history. Vol. 3. From the Middle ages to Modern times (XVI–XVIII centuries)]. М.: KDU, 2015. 606 s.
- [2] Kareev N.I. Istorija Zapadnoj Evropy v Novoe vremja. Razvitie kul'turnyh i social'nyh otnoshenij. Reformacija i politicheskaja zhizn' v XVI i XVII vv. [History of Western Europe in Modern times. Development of cultural and social relations. Reformation and political life in the sixteenth and seventeenth centuries]. М.: Akademicheskij proekt; Gaudeamus, 2015. 560 s.
- [3] Lysjakov V.B. Ljudovik XIV i cerkov' // Francuzskij ezhegodnik 2004. Formy religioznosti v XV – nachale XIX vv. [Louis XIV and the Church // French Yearbook 2004. Forms of religiosity in the XV-early XIX centuries]. М., 2004. S. 135–161.
- [4] Petitfils J.-C. Ljudovik XIV [Louis XIV]. Slava i ispytanija. SPb.: AST, 2008. 382 s.
- [5] Ferro M. Istorija Francii [French History] / Per.: G. Beljaeva, V. Kovalev, V. Kovaleva, E. Morozova, Ekaterina Pichugina, T. Posherstnik, N. Silkina, P. Timofeev. М.: Ves' mir, 2015. 832 s.
- [6] Bonheur G. Henri Quatre. Paris. Edions Ramsay. 1977. 222 p.

- [7] Dompnier B. Le venin de l'hérésie: image du protestantisme et combat catholique au XVIIe siècle. Paris: Le Centurion, 1985. 277 p.
- [8] Edit portant révocation de l'édit de Nantes. Fontainebleau, octobre 1685 // Recueil Général des Anciennes Lois Françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789. Tome XIX. 1672–1686. Paris: Librairie de Plon Frères. P. 530–534. Текст воспроизведен в авторском переводе Новодержкина Н.А.
- [9] Golden R.M., Introduction. In: The Huguenot connection, the Edict of Nantes. its revocation. And early French migration to South Carolina / Ed. by R.M. Golden. Kluwer Academic Publishers. Dordrecht – Boston – Lancaster, 1988. P. 1–27.
- [10] Joutard Ph. La révocation de l'édit de Nantes ou les faiblesses d'un Etat. Paris, Gallimard. 2018. 555 p.
- [11] Locke J. A Letter Concerning Toleration. [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/A_Letter_Concerning_Toleration (дата обращения: 11.10.2018).
- [12] Maxwell M. The Division in the Ranks of the Protestants in Eighteenth Century France // Church History. Cambridge University Press on behalf of the American Society of Church History. Vol. 27, № 2 (Jun., 1958). P. 107–123.
- [13] Sutherland N. M. The Crown, the Huguenots, and the Edict of Nantes // In: The Huguenot connection, the Edict of Nantes. its revocation. And early French migration to South Carolina / edited by Richard M. Golden. Kluwer academic publishers Dordrecht / Boston / Lancaster. 1988. P. 28–48.

Приложение № 1

**Эдикт об отзыве Нантского эдикта. Фонтенбло,
октябрь, 1685 года [8]**

Людовик, милостью Божьей король Франции и Наварры, приветствует всех присутствующих.

Король Генрих Великий, славной памяти, наш прародитель, желая укрепить мир, который он принес своим подданным, после больших потерь, которые они понесли в гражданских и зарубежных войнах, не был поколеблен религией, именующей себя реформированной (R.P.R.), как это случилось в правление его предшественников; в апреле 1598 года в Нанте подписал Эдикт, регламентирующий отношение к вышеупомянутой религии, местам, в которых они могли бы совершать службу, установил специальных судей для отправления правосудия, и, наконец, с помощью специальных статей закрепил все, что он считает необходимым для спокойствия в своем королевстве, и для уменьшения взаимного неприятия между приверженцами двух религий, и наконец, чтобы быть в состоянии управлять государством, а также он решил сделать так для воссоединения с Церковью тех, кто так легко удалился от нее.

Так как намерение короля не было осуществлено в связи с его смертью, и исполнение этого Эдикта было прервано в связи с несовершеннолетием нами почитаемого, славной памяти нашего короля и отца, и новые действия R.P.R. дали повод лишить их различных привилегий, которые им были

предоставлены этим Эдиктом: тем не менее, король и отец наш, Божьей милостью, используя свое обычное милосердие, дал согласие и подписал в июле 1629 года в Ниме Эдикт и с его помощью дал снова успокоение для Религии с тем же рвением, с которым это делал наш покойный прародитель, чтобы попытаться достичь своей благочестивой цели и привести замысел его в исполнение; так как из-за войн с иностранными государствами, которые произошли вскоре после этого, с 1635 года до перемирия в 1684 году с принцами Европы, у королевства не было времени заняться этим без суеты, не было возможности сделать что-то еще для поддержания религии, и чтобы уменьшить число служб R.P.R., запрещая такие места, ликвидируя суды, которые были назначены на временной основе.

Бог, наконец, позволил нашим народам наслаждаться совершенным отдыхом, и нам не надо было заниматься их защитой от врагов, наслаждаясь этим перемирием, которое дало нам возможности посвятить себя поиску способов достижения цели нашего прародителя и нашей при нашем восшествии на Престол.

Мы, с благодарностью Богу, видим, что наши усилия закончились, поскольку лучшая и большая часть наших подданных указанной R.P.R. стали католиками. И, тем более, что все, что было указано в Нантском Эдикте в пользу вышеназванной R.P.R., бесполезно, мы рассудили, что ничего не можем сделать более, как полностью стереть память о волнениях, путаницей и зле, связанных с развитием этой ложной религии, вызванных в нашем королевстве, и провели ревизию Эдикта и многих других эдиктов и деклараций, которые были сделаны, и решили отозвать немедленно вышеуказанный Нантский Эдикт, и конкретные статьи, которые были затем выделены от этого, и все, что было сделано с тех пор для очищения вышеуказанной Религии.

Ст. 1. Мы заявляем, что по этим и другим причинам, которые Нам стали известны, при помощи наук и нашей королевской власти, представляем вам Эдикт, вечный и безотзывный, отменяющий Эдикт нашего деда-короля, подписанный им в Нанте в апреле 1598 года, со всеми его статьями и их частями, выданными письмами, а также Эдикт, подписанный в Ниме в июле 1629 года, также аннулируем, как неважный; ликвидируем все уступки, сделанные как этим, так и другими эдиктами, декларациями..., людям относящим себя к реформированной церкви (R.P.R), которые по своему характеру, какими бы они не были, останутся не обращенными: мы желаем и повелеваем, чтобы все храмы R.P.R., в нашем Королевстве, Странах, Землях и Поместьях, нам подвластных, были бы немедленно снесены.

2. Мы запрещаем нашим поданным, относящим себя к R.P.R., более не собираться для выполнения службы вышеуказанной религии вместе или в специальном доме под каким-либо предлогом службы, даже если эта служба проходит сейчас, должна быть остановлена немедленно нашим указом.

3. Мы также запрещаем всем дворянам из любых сословий проводить в их домах и землях службы, действуя против нашего указа, ко всем нашим

подданным будут применены наказания в виде лишения свободы, а имущество конфисковано.

4. Предписываем всем пасторам указанной R.P.R., которые не хотят принять Апостольскую Римскую Католическую Религию, покинуть Королевские земли без имущества в течение пятнадцати дней после публикации представленного Нами Эдикта, а не имея возможности бежать за пределы, в течение указанного времени, не могут проповедовать, увещевать или действовать иначе, под страхом ссылки на галеры.

5. Мы желаем, чтобы те из пасторов, которые обратились, продолжали свою жизнь и имели льготы, которые у них были на пасторской службе, и их вдовы после их смерти, будут освобождены от талы и от проживания военных; причем, мы будем платить этим пастырям в течение их жизни пенсию, которая будет на треть выше, чем их доходы, которые они получали, будучи пастырями, половину их пенсии жены будут получать после их смерти, пока они будут оставаться одинокими.

6. Если какой-либо из этих пастырей решит стать адвокатом или получить степень доктора права, мы желаем и повелеваем, чтобы они были освобождены на три года от экзаменов, нами написанной Декларацией: и после сдачи обычных экзаменов могут быть судьями будут утверждены в докторской степени, заплатив только половину от положенного, в каждом университете.

7. Мы запрещаем частные школы для обучения детей вышеуказанной R.P.R. и всего того, что бы то ни было, что может быть отмечено как уступки в пользу вышеуказанной религии.

8. В отношении детей, которые будут рождены в вышеуказанной R.P.R., желаем, чтобы они теперь были крещены приходскими священниками. Обязываем их отцов и матерей отправить их для этого в церковь, оплатить штраф в 500 ливров или более, с тем, чтобы дети были воспитаны в Католической вере Апостольской и Римской, обязываем судей на местах держать это под личным контролем.

9. И, пользуясь нашим милосердием к нашим подданным, которые относят себя к вышеупомянутой R.P.R., которые покинули наше королевство, Наши Страны и Земли, нам подвластные до оглашения нашего Эдикта, мы желаем и повелеваем, чтобы в случае, если они желают вернуться в течение четырех месяцев, со дня оглашения, они могут вернуться домой и владеть своим имуществом, так как, если бы они там были всегда; напротив, те, кто в течение четырех месяцев не вернется в наше Королевство, Страны и Земли, Нам подвластные, будут оставлены, и все оставленное ими будет конфисковано по нашей декларации от 20 августа прошлого года.

10. Требуем очень настойчиво и повторно послушно покинуть всем нашим подданным вышеуказанной R.P.R., со своими женами и детьми наше Королевство, Страны и Земли, Нам подвластные, сделать это быстро под страхом наказания отправления на галеры мужчин и конфискации и лишения свободы для женщин.

11. Желаем и повелеваем, чтобы декларации, сделанные против тех, кто несколько раз менял веру (*relaps*), были выполнены в соответствии с их формой и содержанием.

12. Кроме того, они, последователи вышеуказанной R.P.R., могут, пока им заблагорассудится, ожидая, что Бог просветит их, как и других, оставаться в городах и местах нашего Королевства, Странах и Землях Нам подвластных, и продолжать торговлю, и пользоваться своим имуществом, быть приверженцами вышеуказанной R.P.R., не проводить службу, не собираться под предлогом молитвы или поклонения своей Религии, какими бы они не были, под угрозой наказания лишения свободы и конфискации имущества.

Дан в Фонтенбло, в месяце октябре 1685 г., в сорок третий год нашего царствования.

(подпись) Людовик

Research article

The Edict of Fontainebleau or the Revocation (1685)

N. Novoderzhkin, E. Popova

RUDN University

6 Miklukho-Maclaya St., Moscow, 117198, Russia

The article deals with the edict of Fontainebleau, signed by Louis XIV on October 17, 1685 and registered five days later by the Paris Parliament, which drew a line under the policy of religious tolerance in France at that time. The text of the edict is published in Russian for the first time (Annex № 1). Thanks to Henry IV and his edict of Nantes (1598), France became the only country that legally recognized religious dissociation, which allowed to complete the religious war that exhausted the state. The edict of Nantes was called "eternal" and "irrevocable". Edict Fontainebleau, who abolished it, initiated a gradual transfer of leadership from France to the UK and, more broadly, to the Anglo-Saxon world. This transition was accompanied by a change in the model of governance in France: the decline of the absolute monarchy and attempts to establish a constitutional monarchy.

Key words: Edict of Fontainebleau, Louis XIV, revocation of the Edict of Nantes, the Protestants, the policy of religious tolerance in France

Информация об авторах / Information about the authors

Новодержкин Николай Алексеевич – аспирант кафедры Всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов». novoderzhkin1993@gmail.com

Novoderzhkin Nikolai – post-graduate student of the Department of General History of the Faculty of Humanities and Social Sciences RUDN University. novoderzhkin1993@gmail.com

Попова Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории РУДН

Elena A. Popova – PhD (in History), Associate Professor of the Department of World history, Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: e-popova@yandex.ru

Для цитирования / For citation

Новодержкин Н.А., Попова Е.А. Отзыв Нантского эдикта и его историческое значение. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 4. С. 341–350. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-4-341-350>

Novoderzhkin N., Popova E. The Edict of Fontainebleau or the Revocation (1685) // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 11. № 4. P. 341–350. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-4-341-350>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 20.11.2019

DOI: 10.22363/2312-8127-2019-11-4-351-360

Научная статья

Участие и роль Британии в выработке решений Лондонской межсоюзной конференции по «русскому вопросу» (11–13 декабря 1919 г.)

С.А. Миронюк

Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Лондонская межсоюзная конференция по «русскому вопросу» (11–13 декабря 1919 г.) – почти неупоминаемое историками, однако знаковое событие в истории участия Британии в иностранной интервенции в России – и в широком смысле интересное явление в мировой истории. Во время работы конференции в Лондоне странами-участницами – Британией, Италией, США, Францией и Японией – обсуждались дальнейшая судьба интервенции и в целом новая внешнеполитическая стратегия касательно России в условиях перелома в Гражданской войне в пользу большевиков и формирования новой системы международных отношений после Первой мировой войны, в которой нужно было определить место России. Принятые в Лондоне подходы и методы, как показывает практика, в настоящее время сохраняют актуальность.

Цель настоящей статьи – определение роли Британии в выработке решений Лондонской межсоюзной конференции по «русскому вопросу» на основе ранее невовлеченных в научный оборот документов Кабинета министров и парламента Соединенного Королевства, а также источников личного происхождения.

Автор приходит к выводу, что решения Лондонской конференции по «русскому вопросу» положили конец широкомасштабной военной помощи Белому движению и способствовали таким образом завершению Гражданской войны в России. Британскому правительству принадлежала ключевая роль в выработке решений Лондонской конференции. Оно основательно подготовилось к заседаниям конференции и предложило свой проект решений.

Ключевые слова: Лондонская конференция, Гражданская война, интервенция, Британия, Ллойд Джордж, Черчилль, антибольшевистские силы, Белое движение

Введение

События Гражданской войны и интервенции в России представляют как научный, так и общественный интерес. Они занимают особое место не

© Миронюк С.А., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

только в российской, но и во всемирной истории и, как следствие, в истории международных отношений. События 1917–1919 гг. значительно повлияли на внешнюю и внутреннюю политику ведущих стран мира и дальнейшие глобальные процессы. О Гражданской войне и интервенции написано большое количество работ по различным направлениям исследования. Вместе с тем остаются недостаточно изученными внешнеполитические аспекты причин возникновения и последствий этих событий, а также опыт преодоления конфликтных ситуаций в процессе становления межгосударственных отношений России со странами Запада после Октябрьской революции. Однако без их анализа нельзя воссоздать объективную картину истории Гражданской войны и интервенции, а также степень влияния на эти события отдельных иностранных государств, в том числе Британии.

Политика в отношении России после Октябрьской революции, по существу, начинала выстраиваться с «чистого листа» и, учитывая динамизм и непредсказуемость развития событий, неоднократно подвергалась корректировке. В Британии процесс сопровождался острыми дискуссиями, выдвижением конфликтных доктрин, лоббированием интересов различных ведомств их руководителями. Это происходило на фоне тяжелого экономического положения и социальных волнений внутри стран Запада в результате Первой мировой войны.

За 1917–1919 гг. у стран Антанты и их союзников, в особенности Британии, произошел постепенный переход от вариативной политики стратегической неопределенности в отношении России, обусловленной информационной недостаточностью и отсутствием понимания того, что реально происходило в России, к выработке основных стратегических политических подходов и методов на Лондонской конференции союзных и ассоциированных государств и британского и французского правительств (11–13 декабря 1919 г.) (далее – Лондонская конференция).

Исследование проблемы

Интерес британского правительства к проведению конференции, на которой была бы выработана новая политика стран Антанты и ее союзников в отношении России, публично проявился в ноябре 1919 г. 8 ноября 1919 г. британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж заявил, что ситуация в России изменилась: наступление Н.Н. Юденича на Петроград и движение А.И. Деникина на Москву были остановлены, а известия из Омска – негативны для Антанты. Поэтому он призвал обратиться к иным методам работы в России, основанным на доверии. Это было воспринято в странах альянса как изменение политики Британии в отношении России. «В то время, как блокада Советской России усилилась, столь резкая перемена позиции одного из лидеров великих держав не могла не вызвать “бурю” по обеим сторонам Ла-Манша», – пишет Н.Е. Быстрова [1. С. 334]. Через пять дней на заседа-

нии парламента премьер-министр заявил: «Я надеюсь, что в ближайшее время будет проведена международная конференция, на которой министры союзных и ассоциированных держав рассмотрят различные серьезные и нерешенные проблемы, которые мирная конференция (Парижская мирная конференция – *Прим. авт.*) до сих пор не смогла решить по той или иной причине. Россия будет в числе этих проблем» [2].

Еще 25 марта 1919 г. Ллойд Джорджем был подготовлен документ, известный как «Меморандум из Фонтенбло». В этом документе говорится, что, если мирная конференция намерена обеспечить прочный мир без анархии, ей нужно будет заняться делами России. «Большевистский империализм угрожает не только граничащим с Россией государствам, большевизм угрожает всей Азии; он так же близок Америке, как и Франции. Нет никаких оснований думать, что мирная конференция в состоянии этой близости помешать, какой бы прочный мир она ни заключила с Германией, если только она оставит Россию в ее нынешнем положении» [3. С. 188].

Вместе с тем опасения распространения большевизма были не единственным страхом во властных структурах Британии. Практически постоянно прослеживаются опасения в отношении возможного союза Германии и России или установления господствующего влияния немцев на российской территории. Классик темы об интервенции в России Р. Ульман отмечал: «В Лондоне, и особенно в Вашингтоне, думали, что японское вторжение заставит Россию искать помощь только у одной державы, которая могла ее дать: Германии. Это позволило бы Германии эксплуатировать Россию и навсегда усилило бы разрыв между Россией и ее бывшими союзниками» [4. Р. 88]. Этот страх доходил до фантастики. Например, присутствовал «...страх, впервые выраженный в начале января (1918 г. – *Прим. авт.*) и повторявшийся снова и снова в последующие месяцы, что немцы демонтируют подводные лодки на Балтике, перевезут их части через всю Россию и Сибирь по железной дороге и затем снова соберут их во Владивостоке, чтобы угрожать судоходству в Японском море» [4. Р. 88].

Однако было очевидно, что «русский вопрос», т.е. дальнейшая политика касательно России, должен быть рассмотрен Антантой и ее союзниками совместно, принимая во внимание уже ставшую явной в ноябре 1919 г. неспособность Белого движения взять под контроль ситуацию в России. Не могло не приниматься во внимание и то, что операции в России требовали значительных расходов из бюджета Британии. Вместе с тем Россия продолжала оставаться огромной страной с богатыми ресурсами. Попадание ее в сферу влияния Германии, а также усиление Японии на Дальнем Востоке не соответствовали интересам Британии. Осенью 1919 г. уже было понятно, что легко и быстро большевики не исчезнут. В этой связи сотрудничество с Россией, а следовательно, с теми, кто реально находился у власти, было для Британии необходимым хотя бы для того, чтобы поддерживать свои геополитические интересы. Таким образом, британское правительство было очень

заинтересовано в проведении конференции по решению «русского вопроса», на которой она могла пролоббировать свой проект решений, который отвечал интересам страны и который стал бы основой для внешней политики союзников Британии.

В конечном итоге Лондонская конференция состоялась и проходила с 11 по 13 декабря. На ней обсуждались актуальные вопросы послевоенного периода. Первая резолюция, принятая на конференции, касалась России и имела заголовок «Политика в России».

В связи с проведением этой конференции на заседании Кабинета министров Британии 12 декабря 1919 г. рассматривались новые возможные подходы к формированию политики союзников по отношению к России, предложенные на упомянутой конференции [5. Р. 198–201]. Премьер-министр Ллойд Джордж зачитал проект заключения по политике в России, который был подготовлен по его поручению. В нем были изложены общие позиции, которые, по его мнению, были достигнуты в отношении союзной политики в России и которые легли бы в основу предложений, которые он представит конференции на следующий день. Его выводы сводились к следующему:

1. Конференция отвергла предложение об организации встречи представителей различных антибольшевистских государств и организаций в России.

2. Политика в отношении России, согласованная на конференции, может быть резюмирована следующим образом: не входить в какие-либо дальнейшие договоренности относительно предоставления помощи антибольшевистским силам в России в форме армий, военных материалов или финансовой помощи; антибольшевистские элементы могут покупать военные материалы в странах альянса; каждая страна может принимать самостоятельные решения касательно своих отношений с антибольшевистскими элементами; не иметь официальных отношений с советским правительством.

3. Сильная Польша соответствует интересам стран Антанты. При этом решение вопроса о помощи, которую ей нужно оказать, следует оставить для дальнейшего рассмотрения.

В ходе обсуждения государственный секретарь по военным делам У. Черчилль заявил, что он не согласен с политикой, изложенной в этом проекте, поскольку она означает отказ от поддержки антибольшевистских сил в России, которую Британия до сих пор проводила. Свое мнение он попросил занести в протокол. В протоколе отмечено, что в ходе длительного выступления Черчилль упомянул, что утром он выразил свое почтение премьер-министру Франции Ж. Клемансо и имел с ним беседу, из содержания которой понял, что французский премьер-министр согласен с ним по следующим вопросам. Первое, должно быть посредничество между Польшей и генералом Деникиным, имея в виду установление общего фронта от Балтики до Каспия. Второе, Франции и Англии следует сотрудничать для оказания давления на Эстонию, чтобы не усиливать дезорганизацию сил генерала Юденича.

Черчилль выразил надежду, что эти соображения будут приняты во внимание прежде, чем какое-либо соглашение будет окончательно заключено, и что следующие положения не будут оставлены без внимания: антибольшевистским силам будет разрешено покупать товары военного назначения по их ликвидационной стоимости; российские военные материалы, захваченные Германией и находящиеся в ее фактическом распоряжении, по условиям мирного договора будут переданы антибольшевистским силам в России. «Это было бы допустимо в соответствии с мирным договором, если союзные и ассоциированные державы считались бы попечителями России» [5. Р. 200]. Таким элегантным способом он предложил некую форму протектората стран Антанты и ассоциированных стран над Россией. Черчилль также настоятельно призвал, чтобы вся эта политика держалась в секрете, поскольку предание ее гласности окажет деморализующее воздействие на антибольшевистские силы и подорвет доверие в отношениях с А.В. Колчаком.

Как видно из приведенных материалов, позиция Черчилля не только противоречила общему смыслу высказанных Ллойд Джорджем тезисов, но и демонстрировала его активную позицию по продвижению абсолютно другой, агрессивной политики, направленной на продолжение военно-политического вмешательства в дела России. Его личное обращение к премьер-министру Клемансо для выражения почтения было, по сути, попыткой решить вопрос за спиной премьер-министра, оказать давление на Кабинет и представить собственную схему действий в России. В числе предложенных им мер: создание фронта от Балтики до Каспия с активизацией Польши в этом вопросе и продолжение военных поставок антибольшевистским силам.

Понятно, что опубликование планов в отношении политики в России могло бы вызвать недовольство в Белом движении. Кроме того, идея «попечительства» внесла бы раскол в антибольшевистское движение, поскольку среди участников Белого движения были патриоты, испытывающие неприязнь к союзникам. Эти настроения, например, выражает современник событий военный инженер, участник антибольшевистской Северо-Западной армии Реджи: «Помогли ли союзники России после заключения перемирия?

Нет. Они расчленили Россию, самоопределяли ее окраины и грабили ее.

Кто ответит за Кавказ, в частности за Баку и вывезенные оттуда нефть и керосин? Кто ответит за вырубленные леса в Курляндии? Кто ответит за Белоруссию, откуда производилась хищническая вывозка англичанами, при помощи поляков, леса и скипидара? Кто ответит за Сибирь?» [6. С. 225]. Упомянутый на этом заседании адмирал Колчак, безусловно зависимый от поддержки союзников, практически постоянно им возражал. В частности, интересен один эпизод, описанный личным другом Колчака, морским министром его правительства контр-адмиралом М.И. Смирновым: «По прибытии в Омск генерал Жанен предъявил Адмиралу Колчаку инструкцию, полученную им от своего Правительства и подписанную Клемансо и Ллойд Джорджем. Эта инструкция сводилась к следующему: Жанену предписывалось

вступить в командование всеми русскими и союзными войсками, действующими в Восточной России и в Сибири, с целью образования нового противогерманского Восточного фронта. Инструкция заканчивалась указанием, что союзные Правительства предвидят, что вновь образовавшиеся на территории России правительства не пожелают подчиняться требованиям генерала Жанен, в таком случае им должно быть заявлено, что они не получат никакой помощи от союзников. Инструкция, предъявленная генералом Жанен, явно не соответствовала создавшейся обстановке. <...> Подчинение этого Правительства (Правительства Колчака – *Прим. авт.*) иностранному генералу дискредитировало бы его, так как оно являлось носителем Русской Государственной идеи. Поэтому адмирал Колчак заявил генералу Жанен, что он скорее откажется от иностранной помощи, чем признает его инструкцию» [7. С. 169–170].

Согласованная политика союзников в отношении России была отражена в итоговом документе Лондонской конференции и в целом соответствовала тезисам, представленным Ллойд Джорджем на заседании Кабинета министров 12 декабря с некоторыми добавлениями [8. Р. 210]:

1. Не входить в какие-либо дальнейшие договоренности, за исключением тех, которые были уже обещаны, или решений, которые, как в случае с Сибирью, могут быть приняты правительствами США и Японии, относительно предоставления помощи антибольшевистским силам в России в форме армий, военных материалов или финансовой помощи. Антибольшевистские элементы могут покупать военные материалы в странах альянса. Каждая страна может принимать самостоятельные решения касательно своих отношений с антибольшевистскими элементами. Оставить большевистскую Россию в том же положении, окруженной барьером.

2. Сильная Польша соответствует интересам стран Антанты. При этом решение вопроса о помощи, которую ей нужно оказать для защиты ее территорий, следует оставить для дальнейшего рассмотрения.

3. Конференция согласилась с тем, что никакой полезной цели не может быть достигнуто, если попытаться созвать любую общую конференцию представителей антибольшевистских государств в настоящее время.

4. Что касается пограничных сообществ с нерусским населением, которые боролись за свободу и самоуправление, союзники будут оказывать им такую помощь в защите их свобод, которая может оказаться желательной в обстоятельствах каждого события по мере его возникновения.

Было отмечено также, что каждое правительство должно объявить эту политику словами и способом, которые оно считает наиболее удобными.

Изменения, таким образом, коснулись предоставления США и Японии возможности осуществлять действия в Сибири на основе договоренностей, которые им было дано право заключать в будущем. В отношении Польши была сделана оговорка, что помощь будет представляться на защиту ее территорий. Исчезла формулировка о невступлении в официальные отношения

с советским правительством, которая, на наш взгляд, была заменена менее конкретной: оставить все как есть, изолировав Россию. Был добавлен пункт 4 о возможной помощи неким пограничным сообществам с нерусским населением. Что касается этого пункта, то его содержание говорит о том, что союзники были намерены и впредь поддерживать сепаратизм в России в случае, если такие «сообщества» с нерусским населением появятся или активизируются.

Таким образом, хотя предложения Черчилля буквально учтены не были, но в целом документ в отношении России был принят в более жестком варианте по сравнению с тезисами Ллойд Джорджа. Он предусматривал возможность действий в Сибири, поддержку пограничных сообществ и изоляцию «окруженной барьером» России, имея в виду новые страны, образованные на ее границах. Об этом, по сути, стратегическом плане еще в 1920 г. эмоционально выразил мнение Реджи: «Англичанам никто не давал никакого права самоопределять эти народности, и возрожденная Россия сама ликвидирует этот вопрос со своими окраинами, путем ли федераций, автономий или просто силой, но Россия никому не может позволить вмешиваться в свои внутренние дела, дела так сказать семейного характера. Если же Англия заболела этой новой болезнью “самоопределений”, то у нее много хватит работы у себя дома с Ирландией и другими народностями Британской империи» [6. С. 228]. Несмотря на эмоциональность, Реджи верно определяет суть проблемы. На протяжении короткого в историческом плане периода Россия действительно вернула эти территории, а, вернув... отдала, вновь позволив создать на своих границах барьер недружественных государств, которые, как видно, из описанных событий, уже сто лет назад, были включены в систему противостояния России и получали за это помощь.

Заключение

Участие британского правительства в формировании политики интервенции на всех ее этапах, включая завершающий, который был ознаменован Лондонской конференцией, было очень значительным. Британский премьер-министр Ллойд Джордж был первым из западных политиков, который публично выступил за прекращение помощи антибольшевистским силам и выстраивание новой политики в отношении Советской России, основанной на доверии. Он же озвучил необходимость «заняться русскими делами» и выработать общую политику союзников в отношении России исходя из новых условий. Принятые на Лондонской конференции решения о политике в отношении России, по сути, завершали обсуждение этого вопроса в преддверии окончания работы Парижской мирной конференции. Лондонская конференция подытожила события политического и военного противостояния Советской России и стран альянса с 1917 г. и сформулировала основы будущей политики в отношении России. Как уже отмечалось, решения Лон-

донской конференции по России не содержали прямого запрета на контакты с советским правительством.

Британская делегация привезла на конференцию собственные предложения, ранее обсужденные на заседании правительства, которые носили умеренный характер и предусматривали отказ от дальнейшей помощи антибольшевистским силам, что способствовало завершению Гражданской войны в России. Вместе с тем как позиция британского правительства, так и принятые на конференции решения были направлены на изоляцию России путем поддержания «санитарного кордона» на ее границах и были нацелены на такую политику на годы вперед.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2016.
- [2] Parliamentary Debates. House of Commons. 1919. Vol. 121. 13 Nov. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1919/nov/13/> (дата обращения: 15.12.2019).
- [3] Черчилль У.С. Мировой кризис. Последствия. М.: Принципиум, 2014.
- [4] Ullman R. H. Anglo-soviet relations. 1917–1921: in 3 vol. Vol. 1: Intervention and the war. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1961.
- [5] Cabinet 13 (19). Conclusions of Meeting // NA. CAB 23/18 Original Reference CC 1 (19)-18 (19), 1919 4 Nov–23 Dec. P. 198-201.
- [6] Реджи. Антанта, немцы и русская Добровольческая армия в Прибалтике. М.: Кучково поле, Императорское Русское историческое общество, 2015.
- [7] Смирнов М.И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (Краткий биографический очерк) // Окрест Колчака: документы и материалы. М.: Аграф, 2007. С. 137–177.
- [8] Conferences of the Allied and Associated Powers and of the British and French Governments. Resolution “A”. Policy in Russia // NA. CAB 23/18 Original Reference CC 1 (19)-18 (19), 1919 4 Nov–23 Dec. P. 210.

REFERENCES

- [1] Bystrova N.E. The “Russian question” in 1917 through beginning 1920: the Soviet Russia and the Great Powers. Moscow: Institute of Russian History RAS, Center of Humanitarian Initiatives, 2016. (In Russian)
- [2] Parliamentary Debates. House of Commons. 1919. Vol. 121. 13 Nov. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1919/nov/13/> (дата обращения: 15.12.2019).
- [3] Churchill W.S. The World Crisis. The Aftermath. Moscow: Printsipium; 2014 (In Russian).
- [4] Ullman R.H. Anglo-soviet relations. 1917–1921: in 3 vol. Vol. 1: Intervention and the war. Princeton, New Jersey: Princeton University Press; 1961.
- [5] Cabinet 13 (19). Conclusions of Meeting // NA. CAB 23/18 Original Reference CC 1 (19)-18 (19), 1919 4 Nov–23 Dec. P. 198–201.

- [6] Reggie. The Entente, Germans and the Russian Volunteer Army in the Baltic States. Moscow: Kuchkovo pole; Imperial Russian Historical Society; 2015. (In Russian)
- [7] Smirnov M.I. Admiral Alexander Vasilyevich Kolchak (Brief biography essay) // Around Kolchak: the Documents and the Materials. Moscow: Agraaffe; 2007. P. 137–177. (In Russian)
- [8] Conferences of the Allied and Associated Powers and of the British and French Governments. Resolution “A”. Policy in Russia // NA. CAB 23/18 Original Reference CC 1 (19)-18 (19), 1919 4 Nov–23 Dec. P. 210.

Research article

Participation of Britain and its role in the elaboration of the London Inter-Allied Conference’s decisions on the “Russian question” (December 11–13, 1919)

Sergei A. Mironyuk

RUDN University
6 Miklukho-Maclaya St., Moscow, 117198, Russia

The London Inter-Allied Conference on the "Russian question" (December 11–13, 1919) is rarely mentioned by historians, but a landmark event in the history of British participation in foreign intervention in Russia – and in a broad sense an interesting phenomenon in world history. During the Conference in London participants – Britain, Italy, USA, France and Japan – discussed the future of the intervention and in general a new foreign policy strategy regarding Russia in the context of the evident Bolsheviks’ victory in the Civil War and the formation of a new system of international relations after the First World War, in which it was necessary to determine the position of Russia. The approaches and methods adopted in London, as practice shows, seem to be currently relevant.

The purpose of this article is to analyze the participation of Britain and determine its role in the development of decisions of the London Inter-Allied Conference on the "Russian question" on the basis of previously uninvolved documents of the Cabinet of Ministers and the Parliament of the United Kingdom, as well as sources of personal origin.

The decisions of the London Conference on the "Russian question" put an end to large-scale military assistance to the White movement and thus contributed to the end of the Russian Civil War. The British government played a key role in producing the decisions of the London Conference. The Government had prepared thoroughly for the Conference and had proposed its draft decisions.

Keywords: London Conference, Civil War, intervention, Britain, Lloyd George, Churchill, anti-Bolshevik forces, White Movement

Информация об авторе / Information about the author

Миронюк Сергей Алексеевич, аспирант кафедры истории России факультета гуманитарных наук Российской университета дружбы народов. E-mail: privetsergey95@mail.ru

Sergei A. Mironyuk, postgraduate student, Department of Russian History, Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University. E-mail: privetsergey95@mail.ru

Для цитирования / For citation

Миронюк С.А. Участие и роль Британии в выработке решений Лондонской межсоюзной конференции по «русскому вопросу» (11–13 декабря 1919 г.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 4. С. 351–360. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-4-351-360>

Mironyuk S.A. Participation of Britain and its role in the elaboration of the London Inter-Allied Conference's decisions on the "Russian question" (December 11–13, 1919) // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 11. № 4. Pp. 351–360. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-4-351-360>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 15.07.2019

DOI: 10.22363/2312-8127-2019-11-4-361-369

Научная статья

«Политическое убежище» как источник проблем и парадоксов в ЕС

И.М. Ежов

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 6

Затянувшийся миграционный кризис в Европе привел не только к социальным потрясениям на континенте, но и к правовым реформам в миграционной сфере. Автор анализирует истоки и основы политического убежища как важнейшего аспекта международного права и его влияние на развитие миграционного кризиса в Европе.

Автор применяет сочетание системного, сравнительного и исторического (историко-генетического) метода.

Целью исследования является выявление характерных особенностей и анализ истории развития процедуры предоставления политического убежища европейскими странами и влияние права на убежище на всю миграционную политику Европы. Исследование носит междисциплинарный характер на стыке теории и истории международных отношений, права, социологии и политологии.

Ключевые слова: политическое убежище, беженец, политический мигрант, Дублинский регламент, лагерь в Кале

Право на политическое убежище является неотъемлемой частью международной политической системы, свойственной современности, где мир сформирован национальными государствами с «национализированным» населением и сформированными границами.

Политический прием беженцев в международной практике существует уже давно: в случае Франции, это особенно было распространено в эпоху революций в Европе в 1848–1849 гг. и приписывалось республиканской политике помощи «борцам за свободу» [3].

Принятие беженцев сохранялось несмотря на смену режимов внутри самой Франции. Однако правила приема иностранцев становились жестче, по мере того как контроль за миграцией принимал институциональную форму: если беженцы из Польши и Испании 1830 года еще принимались во

© Ежов И.М., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Франции почти бесконтрольно, то в XX веке претенденты на политическое убежище должны были иметь паспорт, визу и вид на жительство для въезда и пребывания на территории принимающего государства.

Именно в эпоху той политической конфигурации возникает различие между «экономическими мигрантами» и «политическими беженцами». Два определения, которые, прежде всего, влияют на социальный статус заявителя. Политическое убежище соответствует проблематике и институциональному подходу в проведении социальной политики, однако его организация создает проблемы властям. Для подтверждения статуса политического мигранта необходимы доказательства преследования заявителя на родине или даже угроза его жизни. Эти доказательства было проблематично представить без документов.

Государства, из которых массового уехали жители, не заботились о том, чтобы эти жители имели паспорта или другие документы. Поэтому странам, куда прибывали мигранты, пришлось разрабатывать особый статус переселенца, чтобы обеспечить жизнедеятельность новопривывших граждан.

Когда в 20-е гг. «международная проблема беженцев» возникла как общественный прецедент, вопрос впервые встал остро. Так как в первую очередь беженец представлял из себя не просто лицо без документов, но и человека, который остался без родины (выходцы из Германской, Османской, Австро-Венгерской империй). После Первой мировой войны эти категории населения не могли иметь ни гражданства, ни защиты от какого-либо государства. Заботу о них взяла Лига Наций. Конвенция, подписанная государствами-членами, была направлена не на отдельных личностей, а на целые народы, в том числе на выходцев из представителей белого движения из царской России, а также сирийцев, ассиро-халдеев. Для этих категорий населения «без государства» и без документов был создан первый международный режим защиты, который закреплен в конвенции 1933 года. Был даже разработан «нансеновский паспорт».

Однако с начала 30-х годов международное право оказалось бессильным перед лицом национального «эгоизма». Из-за распространения фашизма в Европе увеличилось число новых беженцев и лиц без гражданства: немецкие и австрийские евреи, спасающиеся от нацизма, испанские республиканцы, бежавшие от режима Франко... В условиях такого кризиса международные конвенции, которые часто подписывались, но редко были ратифицированы, не препятствовали государствам Европы и Северной Америки принимать значительное число беженцев [7].

Для тех, кто уже получил убежище, помощь часто предоставлялась с помощью частных организаций, а не на государственном уровне, как и в случае с Францией, где мигрантам помогали с помощью религиозных организаций еврейских или протестантских конфессий. В наиболее неотложных ситуациях помощь принудительно оказывалась в специальных лагерях для

мигрантов. Подобные лагеря были открыты французскими властями для испанских гражданских и военных беженцев весной 1939 года [2].

Массовые преступления Второй мировой войны еще больше усугубили проблему – в 1945 году насчитывалось около 30 миллионов принужденно переселенных по всему миру людей. Острая фаза миграционного кризиса только подчеркнула противоречие между универсальностью права на убежище и ограничительной логикой государственного иммиграционного контроля, когда люди, с одной стороны, рассчитывали на помощь нового государства по праву на убежище, но сталкивались с бюрократическими проблемами на территории нового места жительства.

В Организации Объединенных Наций победившие фашизм государства, безусловно, провозглашали первостепенность прав человека. Однако первые переговоры относительно судьбы беженцев, главным образом европейских, руководствовались в первую очередь экономическими и политическими причинами: каждое государство стремилось принимать в приоритетном порядке наиболее квалифицированных беженцев, которые смогут заниматься восстановлением страны.

Поскольку уже складывались предпосылки холодной войны, для государств будущего западного блока необходимо было принять решение об организации защиты не только жертв нацизма, но и для людей, которые отказывались возвращаться в страны, находящиеся под советским влиянием. Среди главных вопросов в миграционной области фигурировали таковые: 1) Какой тип защиты следует обеспечить и для каких национальностей; 2) Каких видов преследования и в какой географической области?

Именно вокруг этих вопросов и возникла дипломатическая конфронтация. Она привела к созданию Женевской конвенции о защите беженцев от 28 июля 1951 г. [7]. Ее текст стал основой современного международного права по вопросам предоставления убежища [9].

Ключевой аспект конвенции – запрещение высылки беженцев или их принудительного возвращения. В документе говорится, что «государства не будут никоим образом высылать или возвращать беженцев на границу страны, где их жизни или свободе угрожает опасность ввиду их расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений». Это постановление, однако, не может применяться к беженцам, рассматриваемым в силу уважительных причин как угроза безопасности страны, в которой они находятся, или осужденным вошедшим в силу приговором в совершении особенно тяжкого преступления и представляющим общественную угрозу для страны.

Конвенция отражает и политические ограничения для мигрантов: так как под влияние документа попали лишь те беженцы, которые получили этот статус до 1951 года, последующие мигранты столкнулись с трудностями в области подтверждения необходимости политического убежища.

Франция адаптировала текст конвенции в свое законодательство в 1952 году. Эти различные ограничения впоследствии стали применяться и в новых законодательных текстах, которые, в свою очередь, отражали дипломатические события того времени. В 1967 году протокол, касающийся статуса беженцев, принятый в Нью-Йорке (ратифицированный Францией в 1971 году), рассматривал вопросы предоставления защиты беженцам по всему миру и прекратил охватывать вопросы политических преследований прошлого по причине глобализации холодной войны: конфронтация между двумя блоками немедленно сказалась на вооруженных конфликтах и управлении лагерями беженцев в Африке, Азии и Латинской Америке, которые в связи с этим и были включены в случаи предоставления убежища.

Тем не менее, последнее касалось лишь тех, кто подвергался прямому преследованию по политическим, религиозным или расовым причинам: очень большое число лиц, которые просто покидали зоны боевых действий, не вошли в их число, поскольку представители развитых стран опасались необходимости предоставлять им особо дорогостоящую защиту. Вопросы беженцев в данной случае охватываются только региональными соглашениями (Конвенция Организации африканского единства в 1969 г., Картаженская декларация о беженцах в Латинской Америке в 1984 г.), которые подразумевают, что УВКБ ООН будет заниматься лагерями беженцев на месте, таким образом крупные державы не нуждаются в предоставлении убежища большим потокам людей на своей территории [6].

Падение Берлинской стены и окончание холодной войны поставило понятие «убежища» в новую политическую конфигурацию. Поддержка политических беженцев сразу потеряла большую часть стратегического интереса, и единственным оправданием для развитых демократических государств соблюдать Женевскую конвенцию стало лишь стремление уважать права человека.

Западные государства также по большей части прекратили всю трудовую миграцию. В органах, ответственных за пограничный контроль, возникла идея, что убежище, как последний законный путь въезда на территорию государства, представляет собой обходной путь для экономических мигрантов [2].

Хотя количество ходатайств о предоставлении убежища в мире, и в Европе в частности, постоянно увеличивается – 332 000 в 2012 году, 625 000 в 2014 году и 1 250 000 в 2015 году (показатель Евростата, данные за 2016 год для всех стран ЕС), – при этом восприятие заявителей как «ложные беженцы» в обществе также возрастает [12].

В настоящее время экономические и политические причины миграции смешиваются и взаимно подпитывают друг друга [8]. К этим же причинам можно добавить экологическое измерение, в связи с возрастающей важностью зеленого движения. В настоящее время эксплуатация природных ресурсов или разрушение экосистем в некоторых регионах земного шара рассматривается как законная причина для переезда.

Разделение между «ложными» и «настоящими» беженцами упускает из виду реальность предыдущих десятилетий, когда многие политические мигранты в XX веке даже не подавали заявление на убежище, поскольку рабочее законодательство позволяло с легкостью получать работу за границей и без долгих бюрократических проволочек. Это особенно относится к греческим или португальским беженцам во Франции в конце 1970-х годов [8]. В связи с общим рынком внутри ЕС для граждан Евросоюза этот вопрос потерял актуальность, но при этом представители других стран потеряли легкий доступ к европейским вакансиям.

Новые формы заявлений по предоставлению гражданства напрямую влияют на европейскую политику предоставления убежища, как на национальном, так и на общеевропейском уровне. Все более и более ограничивающие нормы, тем не менее, все меньше адаптируются к современному геополитическому контексту, отмеченному увеличением политических и гуманитарных кризисов. Отмечается неспособность ЕС регулировать приток беженцев из Сирии к его границам [11], а также миграционные потоки по причине дестабилизации на Ближнем Востоке. Этот кризис в политике предоставления убежища также показывает две противоречивые тенденции, которыми руководствовались политики в Европе:

Во-первых, дистанцирование от помощи беженцам: сегодня наиболее широко распространена доктрина «убежище на месте». Она подразумевает то, что беженцы не обязательно получают место в государстве с высоким уровнем жизни. Их могут отправить в страны, граничащие с очагом войны, т.е. «безопасные третьи страны» или в безопасном регионе их собственной страны, где они не подвергаются преследованию [6].

Эта логика дистанционного управления также влияет на управление запросами о предоставлении убежища европейскими государствами: с 2003 года «Дублинский регламент» предусматривает, что заявитель может подать заявку только в одну страну ЕС, и это государство несет ответственность за рассмотрение ходатайства просителей убежища, ищущих международной защиты в соответствии с Женевской конвенцией и директивой ЕС о процессе отбора.

Пределы прежней миграционной политики (которая по сути велась во Франции с 1920-х годов) стали очевидными с ухудшением обстановки в Средиземноморском регионе, а затем с развитием Сирийского кризиса. Это вызвало массовые перемещения населения из пораженных войной регионов. Государства ЕС к этому оказались не готовы.

Увеличение числа кораблекрушений с беженцами на борту вначале привело к гуманитарной операции по спасению под руководством Италии (операция *Mare Nostrum*). Но так как спасенных беженцев не получалось распределить по странам ЕС, Италия заменила старую операцию новой под названием Тритон (*Mare Triton*), с более четким и жестким полицейским контролем [10].

Приток сирийцев в Балканский регион все же заставил государства-члены ЕС разработать план «распределения» беженцев. Он предусматривал распределение мигрантов во всех государствах-членах. 160 000 просителей убежища разместились в Греции и Италии, остальные страны в перераспределении мигрантов участия не приняли: 15 марта 2016 г. было переселено только 937 человек, в том числе 243 во Францию, хотя Париж должен был получить более 5000 мигрантов. В то же время Греции пришлось заботиться о 143 000 человек в период с января по апрель 2016 года (Информационный бюллетень Европейской комиссии, 22 октября 2015 года). Нежелание принимать беженцев вынудило страны ЕС подписывать договоры с третьими государствами и буквально «покупать» места для мигрантов за пределами границ союза. 18 марта 2016 года подобное соглашение было подписано между ЕС и Турцией.

С европейской стороны задача состоит в том, чтобы ликвидировать горячие точки на границах ЕС, которые, по сути, превратились в лагеря беженцев (острова Лесбос, Хиос или Самос): с помощью экспресс-проверки греческие власти получили право определять, могут ли мигранты быть возвращены в Турцию или их просьба о предоставлении убежища должна быть рассмотрена Грецией.

Реализация этого плана подчеркивает, прежде всего, неадекватность текущей ситуации. Греческое государство, которому слабо помогают европейские соседи, не может в одиночку обеспечить управление миграционными потоками и рассмотрение заявок от беженцев. Представители УВКБ ООН и ряда неправительственных организаций также отказались принять участие в реализации соглашения из-за его явно репрессивного аспекта.

Во-первых, с марта 2016 года пограничные «горячие точки» перестали быть местами приема и регистрации лиц, ищущих убежища. Границы ЕС стали центрами высылки, где мигранты оказались заперты в очень сложных санитарных условиях, чтобы ждать принудительной репатриации. Наконец, основным эффектом соглашения является смещение миграционных маршрутов: беженцы, пересекая Балканы, вновь отправлялись в Италию и Грецию, а другие страны ЕС оказались не в состоянии оказывать помощь коллегам по союзу.

Во-вторых, ограничение просителей убежища за пределами Шенгенской зоны усугубляется увеличением процедурных ограничений для заявителей, уже присутствующих в Европе. Национальные законы фактически были изменены уже в тот момент, когда беженцы были во временных пунктах в ожидании признания статуса беженца. Многие государства ЕС, в том числе и Франция, разрешают органам, ответственным за рассмотрение заявок, немедленно отклонять их без рассмотрения, когда они кажутся «явно необоснованными».

Просители убежища на переходный период подвергаются ряду ограничений: запрет на работу, ограниченная материальная помощь, принуди-

тельное размещение в лагерях для беженцев и даже лишение свободы во время рассмотрения заявления. Это показало применение «промежуточных» или даже уничижительных статутов к Женевской конвенции: режимы гуманитарной защиты не обеспечивают статус беженца. Им предоставляется только временная защита не на регулярной основе, помимо того она постоянно пересматривается. Во Франции практика предоставления «территориального» убежища, учрежденного в 1998 году, попадает под эту практику «промежуточных мер»; в 2003 году территориальное убежище было заменено мерами «дополнительной защиты», введенной на европейском уровне. Цель этих различных мер состоит в том, чтобы обеспечить обработку заявлений растущего числа мигрантов, которые не подпадают под действие Женевской конвенции или которые были отклонены, но чье возвращение в страну происхождения, очевидно, невозможно (по причине продолжающегося конфликта). В прошлом эта практика была применима для многих иракцев или афганцев в период конфликта в этих регионах.

На сегодня «временный» статус беженца применим для многих сирийцев, присутствующих на европейской территории. Преимущество подобной системы «фильтра» заключается в том, что она обеспечивает защиту граждан государства. Но в то же время они показывают так называемую рандомизацию французского и европейского законодательства – эта дополнительная защита действует только в течение одного года – тогда, когда несколько лет назад те же самые люди могли получить выгоду от стабильности статуса обычного беженца.

К этому «деградированному» убежищу необходимо добавить несколько «отклоненных» групп населения, которые чаще всего могут оставаться годами на территории нового государства, но не получать никакой помощи. Подобная парадоксальная ситуация, например, затрагивает большую часть мигрантов, ищущих убежища во французском Кале [4], а также мигрантов в Италии или в бывшей Югославии.

Эти горячие точки превратились из места простого транзита мигрантов в опасные лагеря, которые стали центрами криминала. В регионе Кале лагерь Сангаттеи Гранде-Синтэ являются местом окончательного урегулирования для лиц, ищущих убежища (иракцы, афганцы, сомалийцы), и чье возвращение в страну происхождения невозможно. При этом в тех же лагерях содержатся и те, кто уже получил статус беженца, но не может переехать в другое место по финансовым причинам [1]. При этом для коренных французов Кале стал символом внутренних противоречий в области социальной политики.

Таким образом, миграционная политика современной Европы показала отсутствие какой-либо сбалансированной политики Брюсселя в отношении приема мигрантов из проблемных регионов. При этом с миграционным кризисом вскрылись как внутренние, так и внешние проблемы ЕС. Эти недочеты миграционного законодательства и недальновидная внешняя политика всего Евросоюза привела Францию к крупнейшему кризису в миграционной

области. Кризис продолжает влиять как на внутреннюю политику, так и на внешнюю. Миграционный аспект стал важнейшим на политическом горизонте и играет ключевую роль в ходе предвыборных кампаний и протестных движений. Внешний аспект и по сей день оставляет споры между странами ЕС, в том числе продолжающийся кризис между Францией и Италией, который не удается преодолеть уже на протяжении многих лет.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Agiers M.* 2014 *Un Monde de camps* // La Decouverte, Paris.
- [2] *Bohmer and Shuman*, 2008 *Rejecting Refugees. Political asylum in 21st century* // Rothlege, London, New York.
- [3] *Burgess G.* 2008 *Refuge in the Land of Liberty. France and its Refugees, from the Revolution to the End of Asylum, 1787–1939* // Palgrave Macmillan, Houndmills.
- [4] *Courau H.* 2007 *Ethnologie de la forme-camp de Sangatte.* // Editions des Archives contemporaines, Paris.
- [5] *Kevonian D., Dreyfus-Armand G.* 2013 *La Cimade et l'accueil des refugies.* // Presses universitaires de Paris Ouest Nanterre.
- [6] *Legoux L.* [2004], *Changements et permanence dans la protection des réfugiés* // Revue européenne des migrations internationales.
- [7] *Marrus M.R.* 1986, *Les Exclus. Les refugies européens au xx siècle*, Calmann-Levy // Paris.
- [8] *Neumayer E.* 2005 *Bogous refugees? The determinants of asylum migration to Western Europe* // *International studies quarterly*, vol 49/3.
- [9] *Noiriel G.* 1991, *La Tyrannie du national. Le droit d'asile en Europe 1793-1993* // Calmann-Levy, Paris.
- [10] *Schmoll C., Thiollet H.* 2015 *Migration en Mediterranee. Permanence et mutations a l'heure des crises* // CNRS editions, Paris.
- [11] *Slama S.* 2016 *Le droit d'asile dans les limbes de l'accord entre l'UE et la Turki sur les refugies* p. 832 // *Receuil Dalloz.*
- [12] *Valluy J.* 2008 *Rejet des exiles. Le grand retournement du droit d'asile.* // Edition du Cruquant Bellecombe-en-Bauges.

Research article

Political Asylum as a Source of Problems and Paradoxes in the EU

Ия М. Ezhov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
117198, Moscow, Russia, Miklukho-Maklaya st., 6

The prolonged migration crisis in Europe has led not only to social upheaval on the continent, but also to reforms in the migration law. The author analyzes the origins and foundations of political asylum as a major aspect of international law and its impact on the development of the migration crisis in Europe.

The author uses a combination of a systemic, comparative and historical (historical-genetic) methods.

The aim of the study is to identify characteristic features and analyze the history of the development of the procedure for granting political asylum by European countries and the impact of the right to asylum on the entire migration policy of Europe. The study is interdisciplinary in nature at the intersection of the theory and history of international relations, law, sociology and political science.

Keywords: political asylum, refugee, political migrant, Dublin Rules, Calais camp

Информация об авторах / Information about the authors

Ежов Илья Максимович, магистрант факультета гуманитарных и социальных наук по направлению «международные отношения» Российский университет дружбы народов

Иуа М. Ezhov, master student of the Faculty of Humanities and Social Sciences, specialty “International Relations”, Peoples Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: iliame@mail.ru

Для цитирования / For citation

Ежов И.М. Политическое убежище как источник проблем и парадоксов в ЕС. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 4. С. 361–369. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-4-361-369>

Ezhov I. Political Asylum as a Source of Problems and Paradoxes in the EU // RUDN Journal of World History. 2019. Vol. 11. № 4. Pp. 361–369. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-4-361-369>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 31.12.2019

DOI: 10.22363/2312-8127-2019-11-4-370-374

Научная статья

**Рецензия на книгу
Кузнецова В.А. «Потаенные тропы Туниса:
жить и рассказывать революцию».
М.: ИВ РАН, ГАУГН-ПРЕСС, 2018**

Е.Г. Зуева, А.А. Куделин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

На страницах данного журнала неоднократно звучала тема Туниса, в том числе в форме рецензий на книги, посвященные теме «Арабской весны» в целом [2] и «Жасминовой революции» в Тунисе в частности [3].

Однако сейчас перед нами очень необычная книга. Это не классическое академическое исследование исторических событий, не политологический анализ, не научно-популярное повествование, не журналистское исследование. Данная книга представляет собой, в первую очередь, личное восприятие автором событий, окружающих Тунисскую революцию, через призму его личного опыта и бесед с непосредственными участниками событий. Вместе с тем, данная книга является в полной мере научным междисциплинарным исследованием, которое основано на методологии исторической антропологии и «устной истории». Эти методы позволяют автору книги «дать слово» самим участникам событий, сделать свое повествование живым, интересным и наполненным личными впечатлениями самых различных людей. В тоже время подобный подход в книге сочетается с вдумчивым анализом источников самого разнообразного характера и опорой на ведущие исследования современных ученых о Тунисе. Следует отметить, что книга не была написана «одним духом», она является результатом многолетней работы автора над выбранной темой (скорее даже над несколькими смежными темами), и это позволяет глубоко разобраться в такой сложной теме, как причины, последствия Тунисской революции для тунисского общества и особенности ее восприятия самим этим обществом.

© Зуева Е.Г., Куделин А.А., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Первая часть книги – «Поэтика политики» – была написана автором в 2013 г. и издана как отдельная брошюра. Это была первая попытка осмысления трансформации тунисской политической реальности после 2011 г. Как пишет сам автор, «...хотя базовые его [текста] положения мне и сейчас, четыре года спустя, кажутся верными, появившаяся историческая дистанция позволяет дополнить их новыми выводами» [2. С. 58]. Данная часть, если рассматривать ее отдельно, представляет собой научное эссе, размышление на бумаге об эволюции политической жизни Туниса в революционный и постреволюционный период. В контексте книги данная часть играет роль вступления, которое позволяет нам погрузиться в проблему, и в тоже время показывает первый шаг автора на пути раскрытия выбранной темы. Очень ценно, что автор не скрывает от читателя, а наоборот достаточно детально раскрывает ход своих мыслей. Таким образом, в первой части книги автор отталкивается от наличия трех-четырёх этапов эволюции: кризис «постмодернистского нарратива» режима Бен Али (для которого были характерны «типа многопартийность», «как бы выборы» и т.д.), революционная деконструкция и попытка построения «новой искренности», а затем поражение, усиление противостояния в тунисском обществе и «укрепление реалистического нарратива» [2. С. 58]. Таким образом, в этой части книги перед нами предстают, по выражению автора книги, «два типа акторов – старые постмодернисты и новые романтики» [2. С. 59]. Однако углубление автора в тему исследования приводит его к мысли о том, что нельзя концентрироваться только на этих двух группах, и во второй части книги перед нами разворачивается галерея других акторов политической реальности Туниса.

Вторая часть книги – «Литературная критика» – состоит из пролога и трех глав. Пролог посвящен событиям 2008 г., антиправительственным выступлениям в шахтерском городке Редейефе в регионе Гафсы. Это были первые события подобного рода за двадцатилетнее правление Бен Али, которые привели к кровопролитию. Регион Гафсы, прилегающий к границе Туниса с Алжиром, неоднократно становился местом антиправительственных выступлений. Сами жители региона считают, что временной отсчет событий тунисской революции нужно начинать именно с этих событий, а не с трагедии 17 декабря 2010 г. в Сиди-Бу-Зида [2. С. 65]. Рассказ о событиях в Редейефе 2008 г. позволяет автору книги вычленить три наиболее значимых, с его точки зрения, нарратива оппозиционной социально-политической мысли в Тунисе – ультралевой (марксистский), племенной и исламистский. При этом особенность подхода автора заключается в том, что каждый рассказ о событиях в Редейефе сравнивается с определенным литературным жанром или приемом.

В рассказе с акцентом на левую, марксистскую идеологию автор книги видит классическую драму: «С драматургией классицизма этот нарратив роднит пафос произведения, соблюдение принципов единства места и действия (понятно, что единства времени достичь тут нельзя), характер персо-

нажей, его стиль и композиция» [2. С. 81]. В событиях в Редейефе лево-марксистский нарратив видит, в первую очередь, классовый конфликт. Далее в данной части автор раскрывает взгляд на события тунисской революции и ближайшего постреволюционного периода (2011–2014 гг.) с позиций тунисских левых радикалов, которые видели в этом историческом феномене аналог революции 1917 г. в России [2. С. 80].

Второй рассказ о событиях в Редейефе делает акцент на племенную составляющую жизни современного Туниса, в которой автор видит отголоски средневекового магрибинского эпоса. «Так возникает еще одно прочтение событий 2008 г. – как проявление модерна и архаики» [2. С. 143]. Кстати, автор подчеркивает, что данный нарратив чужд интеллектуальным и политическим кругам столицы Туниса или региона Сахель (побережья), но зато очень активно обсуждается на юге страны. Таким образом, читатель узнает о том, что в Тунисе, который считается одной из самых европеизированных и модернизированных стран, все еще сохраняется регионализм и племенное самосознание.

Третий нарратив – исламистский – отсутствует в рассказах о событиях в Редейефе 2008 г., и автор книги сравнивает его еще с одним литературным приемом – фигурой умолчания [2. С. 231]. Автор книги пытается разобраться в причинах этого, и поясняет позицию многих тунисцев, которые доказывали, что «на самом деле» революция началась в 2008 г. и ан-Нахды партии исламистского толка в Тунисе там не было» [2. С. 235]. В этом разделе книги автор рассматривает соотношение исламизма и светскости в политической жизни Туниса и описывает эволюцию отношений между ан-Нахдой (партия исламистского толка в современном Тунисе) и светскими политическими партиями.

Третья часть книги – «Основная тема» – посвящена проблеме радикализации тунисской молодежи, в рамках данной части автор пытается вскрыть причины перехода Туниса к насилию как инструменту решения политических проблем (это и есть та «основная тема», которая вынесена в заглавие). В финале главы автор раскрывает процесс возвращения Туниса от насилия к политическому диалогу и показывает, почему политические партии Туниса, несмотря на различия в идеологии, в итоге начинают придерживаться единых правил игры. «Испытание революцией, которое перенесла эта страна, привело к укреплению национальной тунисской государственности и формированию национального политического метанарратива, разделяемого постепенно всеми политическими элитами» – резюмирует автор [2. С. 383].

Отдельно необходимо сказать о том, что книга содержит небольшое, но весьма показательное иллюстративное приложение, позволяющее погрузиться в атмосферу революционного Туниса.

Подводя итоги, хочется отметить, что книга является по-настоящему новаторским исследованием, сочетающим в себе новейшие тенденции развития исторической науки («устная история») с высоким уровнем востоко-

ведческой подготовки автора, которая выражается в использовании оригинальных текстов на арабском языке, в том числе весьма сложных для восприятия (например, тунисский рэп на политические темы). Автору удалось удачно сочетать инновационный подход с традициями отечественной научной школы, что закономерно привело к появлению интересной во всех отношениях книги, которая полезна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кузнецов В.А. *Потаенные тропы Туниса: жить и рассказывать революцию*. М.: Институт востоковедения Российской академии наук; ГАУГН-Пресс, 2018.
- [2] Куделин А.А. Рецензия на книгу «Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше?» (Сборник статей / Отв. редакторы: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012. 593 с.) // *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история*. 2014. № 2. С. 110–114.
- [3] Куделин А.А. Умеренный исламизм в Тунисе и Египте после «Арабской весны» 2011 г. Рецензия на книгу: М.Ф. Видясова, Т.И. Гасанбекова. Двудликий Янус умеренного исламизма. Послереволюционная борьба в Тунисе и Египте. М., 2013. 140 с. // *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история*. 2014. № 3. С. 125–129.

REFERENCES

- [1] Kuznecov V.A. *Potaennye tropy Tunisa: zhit' i rassказыvat' revoljuciju*. M.: Institut vostokovedeniya Rossijskoj akademii nauk; GAUGN-Press, 2018.
- [2] Kudelin A.A. Review: “Middle East, Arab Awakening and Russia: What’s Next?” // *Bulletin of Peoples’ Friendship University. Series World History*. 2014. № 2. P. 110–114.
- [3] Kudelin A.A. “Moderate Islamism” in Tunis and Egypt after the “Arab Spring” (2011) // *Bulletin of Peoples’ Friendship University. Series World History*. 2014. № 3. P. 125–129.

Research article

Review of the Book Vasilij A. Kuznecov “Secret Tunisian Tropes: to Live Telling the Revolution”. (M., 2018)

E.G. Zueva, A.A. Kudelin

Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

Информация об авторах / Information about the authors:

Зуева Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов. E-mail: zueva_eg@rudn.university

Куделин Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов. E-mail: kudelin_aa@rudn.university

Elena G. Zueva – PhD in History, Associate Professor of the Department of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University. E-mail: zueva_eg@rudn.university

Andrey A. Kudelin – PhD in History, Associate Professor of the Department of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University. E-mail: kudelin_aa@rudn.university

Для цитирования / For citation

Зуева Е.Г., Куделин А.А. Рецензия на книгу Кузнецова В.А. «Потаенные тропы Туниса: жить и рассказывать революцию». М.: ИВ РАН, ГАУГН-ПРЕСС, 2018 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 4. С. 370–374. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-4-370-374>

Zueva E., Kudelin A. REVIEW OF THE BOOK VASILIIY A. KUZNECOV “SECRET TUNISIAN TROPES: TO LIVE TELLING THE REVOLUTION”. (M., 2018) // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 11. № 4. Pp. 370–374. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-4-370-374>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 07.12.2019

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
